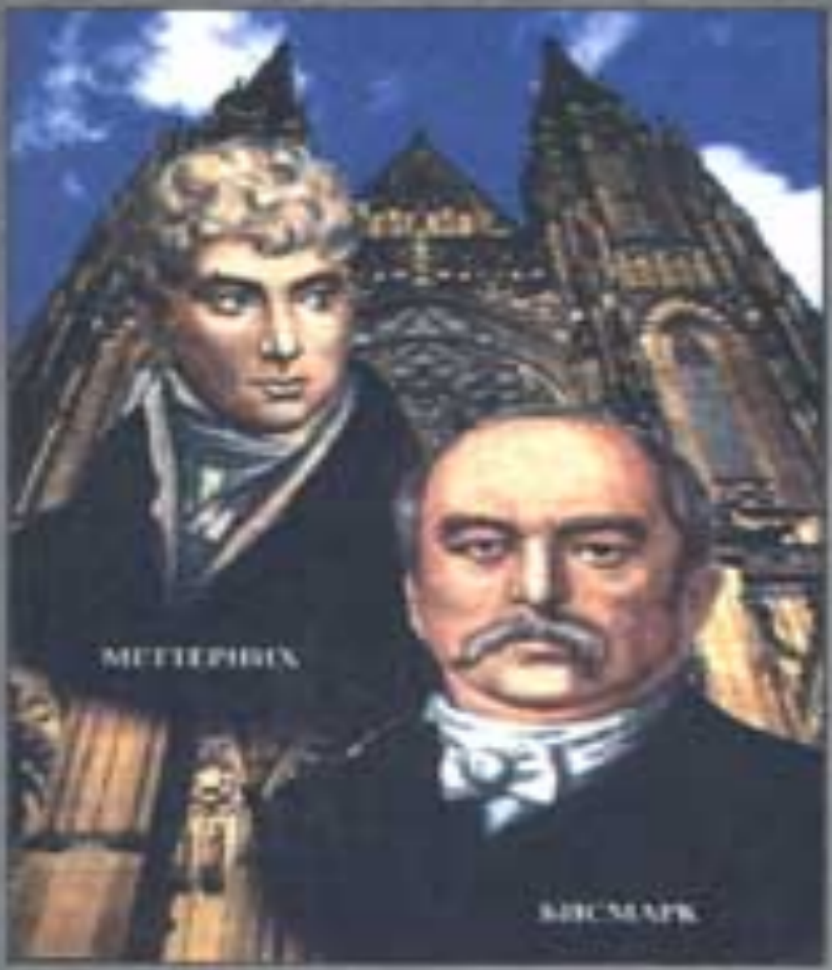
Исторические Силуэты

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПОЛИТИКИ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге подробно рассказывается о жизненном пути великого государственного деятеля на поприще политики, войны и дипломатии. Отто фон Бисмарк – создатель Германской империи, `железный канцлер`, правитель одной из величайших европейских держав. Исторические наблюдения автора удачно дополнены выдержками из писем и мемуаров Бисмарка, отражающими блестящий ум и незаурядные литературные способности великого политика.

- ОТТО ФОН БИСМАРК
  -
  - ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЗРЕЛОСТЬ (1815-1847)
  - НАЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПОЛИТИКА: УГРОЗА РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЛАСТИ В ПРУССИИ (1848 – 1862)
  - БИСМАРК НА ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ПРУССИИ (1862-1871): ОСНОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ – ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ – ВОПРЕКИ БРЕМЕНИ ЕВРОПЕЙСКОГО РАВНОВЕСИЯ
  - БИСМАРК НА ПОСТУ ИМПЕРСКОГО КАНЦЛЕРА (1871-1890): КОНСОЛИДАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СОХРАНЕНИЕ ЕЕ СТАТУСА ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
  - БИСМАРК ВО ФРИДРИХСРУ: НАЕДИНЕ С ТРЕВОГОЙ ЗА СУДЬБУ ИМПЕРИИ (1890-1898)
  - РОЛЬ БИСМАРКА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

ОТТО ФОН БИСМАРК ОСНОВАТЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ – ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Андреас ХИЛЛЬГРУБЕР

"Нам не дано строить отношения между другими великими державами по своему выбору, однако мы можем сохранить за собой свободу использовать отношения, складывающиеся без нашего участия и, возможно, помимо нашего желания, в соответствии с требованиями нашей безопасности и в наших интересах".

Бисмарк.Письмо Леопольду фон Герлаху,10 мая 1856г .

".., и если мы не возьмем на себя роль молота, то легко может случиться, что останется лишь роль наковальни".

Бисмарк.Письмо премьер-министру Отто фон Мантейфелю, 2 июня 1857г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представить читателю жизнеописание Отто фон Бисмарка в форме биографического очерка – предприятие довольно рискованное, поскольку жизнь этого человека была до краев наполнена событиями, а решения, которые он принимал, имели исключительное значение как для европейской политики, так и для всего мира. Кроме того, в обширной и многообразной литературе по "проблеме Бисмарка" его деятельность является предметом исторических и политических дискуссий. В стремлении к сокращению и упрощению изложения заключена опасность излишне абстрагироваться от конкретных мыслей и поступков великого канцлера, если с самого начала, избегая

попытки “взвешенно-пропорционального”, то есть подробного описания, не расставить явных акцентов на всем, что представляется важным и интересным.

С точки зрения “предмета изложения” естественным было сконцентрировать внимание на “объективных” и указанных самим Бисмарком предпосылках, на истоках, формировании, консолидации и стабилизации великой европейской державы – Германской империи, и сделать эту тему лейтмотивом. В повествование, построенное в таком ключе, вплетены соответственно подобранные красноречивые цитаты из выступлений, мемуаров и писем Бисмарка, которые лучше, чем любые описания, проливают свет на образность и меткость высказываний, силу духа и глубину мыслей этого прусско-германского государственного деятеля. Он приковывает к себе внимание уже не одного поколения историков и публицистов. Многократное и неизбежное изменение перспектив и масштабов политических событий как на протяжении 80-летней истории Германской империи (отсчет ведется с 1866-1871 годов), так и в течение 30 лет, прошедших с момента ее краха в 1945 году, отнюдь не вызвало такого сближения границ пропасти между восхищением и неприятием, которое сделало бы достижимым единство мнений. Империя Бисмарка – ограниченная в территориальных пределах и давно превратившаяся в свою противоположность, республику – даже для тех, кто эту империю последовательно отвергает, все еще представляется духовным оплотом немецкой нации как на Западе, так и на Востоке.

Андреас Хилльгрубер Кельн, 15 марта 1978 года

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЗРЕЛОСТЬ (1815-1847)

Будучи стандартным продуктом нашей государственной системы образования, в 1832 году я покинул школу пантеистом, и если не республиканцем, то все же с убеждением, что республика – наиболее разумная форма государства. Я раздумывал о причинах, которые могут побудить миллионы людей постоянно подчиняться одному человеку, в то время как от взрослых мне не раз приходилось слышать оскорбительные или презрительные замечания в адрес правителей. К тому же из тернеровской начальной школы Пламана с традициями Яна [1], в которой я пребывал с 6 до 12 лет, я вынес германско-националистические идеи.

Они остались в стадии теоретических размышлений и были недостаточно развиты, чтобы вытравить врожденные прусско-монархические чувства. Мои исторические симпатии остались на стороне власти". Такими словами – постоянно цитируемыми биографами и, разумеется, сознательно стилизованными автором, но тем не менее отражающими основные моменты его детских и юношеских наблюдений и впечатлений – открываются мемуары Бисмарка "Воспоминание и мысль". К их написанию он приступил в возрасте 75 лет в 1890 году, вскоре после отставки с поста имперского канцлера и премьер-министра Пруссии. Мемуары стали популярными после публикации в 1898 году под заголовком "Мысли и воспоминания". Поскольку оригинальные источники, датируемые тем периодом, немногочисленны, столь взвешенное высказывание относительно собственного детства приходится принять, хотя и с известной оговоркой. "Врожденные прусско-монархические чувства", "германско-националистические идеи", размышления над принципами либерализма и республиканской формой государственности, и все это лишь в рамках не слишком основательного, "стандартного" школьного образования, не затронувшего фундамента, заложенного в родительском доме: непоколебимой приверженности авторитету прусской монархии на фоне пространной критики отдельных личностей и принимаемых решений – таковы основные элементы этой ретроспективы. Они прекрасно вписываются в атмосферу, которая царила в кругах прусской аристократии и крупной буржуазии в домартовский [2] период эпохи реставрации.

Отто фон Бисмарк родился 1 апреля 1815 года в замке Шенхаузен в маркграфстве Бранденбургском, между Стендалем и

Ратеновом, в нескольких километрах от правого берега Эльбы. Он был четвертым по счету ребенком и вторым сыном ротмистра в отставке помещика Фердинанда фон Бисмарка и его жены Вильгельмины, урожденной Менкен. Семья отца принадлежала к старинному дворянству, которое населяло Бранденбург еще “до Гогенцоллернов”, причем входила в число трех наиболее самоуверенных семейств (Шуленбурги, Альвенслебены и Бисмарки), которых еще “солдатский король” Фридрих Вильгельм I в своем “Политическом завещании” назвал “скверными, непокорными людьми”. Мать происходила из среды буржуазной интеллигенции, ее отец был видным советником кабинета при королях Фридрихе Вильгельме II и Фридрихе Вильгельме III. Биографы Бисмарка немало философствовали и строили догадки относительно сочетания столь несхожих между собой источников наследственности, предполагающих гигантские различия в характере и интеллекте. Жесткость, сила воли и решительность юнкера-землевладельца [3], с одной стороны, с другой – духовное богатство и живость ума образованного буржуа в личности Бисмарка слились и, что наиболее важно, дополнили друг друга совершенно особенным образом. Возможности, заложенные в обеих “линиях”, отцовской и материнской, были в высочайшей степени развиты у сына, который при всей своей живости и внешней твердости в глубине души оставался чрезвычайно тонким и чувствительным.

Детство Отто фон Бисмарк провел в родовом поместье Книпхоф под Наугардом, в Померании. Мальчик полюбил природу, и чувство связи с ней ему удалось сохранить на всю жизнь. Об этих ранних, а потому оставшихся в памяти впечатлениях на протяжении десятилетий свидетельствовали часто употребляемые в речи “природные” метафоры (сев и жатва, непогода). Школьное образование, включавшее в себя уже упомянутую частную школу Пламана (1822-1827 гг.), гимназию Фридриха Вильгельма и гимназию Цум Грауэн Клостер в Берлине, Отто завершил в возрасте 17 лет в 1832 году, сдав экзамен на аттестат зрелости. Непосредственно вслед за этим он номинально приступил к изучению права в Геттингенском университете, однако три семестра провел скорее не на лекциях, а на “мероприятиях” союза избранных Corps Hannovera [4], участвуя в самых фантастических проделках и посещая пивные. Некоторой притягательностью для нерадивого студента обладали лишь лекции Геерена, профессора истории и государственного права. Система европейской государственности в изложении Геерена, по-видимому, произвела на Бисмарка непреходящее впечатление. Его внимание довольно рано сосредоточилось на сфере

международной политики, а интеллектуальный горизонт расширился далеко за пределы Пруссии и Германского союза, рамками которых было ограничено политическое мышление большинства молодых аристократов в первой половине XIX века. Показателем растущего ощущения собственной силы может служить откровение Бисмарка-студента из письма другу юности, написанного в 1834 году: “Я стану или величайшим негодяем, или величайшим преобразователем Пруссии”. Переход в Берлинский университет не слишком изменил его “учебные” привычки. Однако в 1835 году, в возрасте двадцати лет он выдержал первый государственный экзамен на звание юриста и стал референтом окружного управления в Ахене. Здесь, на всемирно известном в то время курорте, выпускник университета продолжал вести прежний образ жизни. Позднее в саркастическом тоне он сообщал другу о своем наиболее значительном “похождении” ахенского периода: “я следовал шесть месяцев без малейшего перерыва по заграничным морям в кильватере прехорошенькой англичанки” (17-летней Изабеллы Лорен-Смит); “наконец я склонил ее к обручению, она признала себя побежденной, но через два месяца добыча вновь была отбита у меня однoруким полковником, достоинства которого – 50 лет, 4 лошади и 15000 ренты. С тощим кошельком и разбитым сердцем я возвратился в Померанию”. Ахенские власти, по собственному признанию Бисмарка, дали ему “лучшую характеристику”, чем он “заслужил”, и рекомендовали продолжать службу в Потсдаме.

***

Принятое Бисмарком в 1838 году решение оставить государственную службу, до сих пор являвшую ему лишь свой бюрократический лик, шло вразрез с волей родителей и было следствием стремления к самостоятельной деятельности (“Я хочу или устраивать музыку, которую считаю подходящей, или вообще не устраивать никакой”). По завершении года службы по контракту в Потсдаме и Грайфсвальде, где он заодно и слушал лекции в сельскохозяйственном институте в Эльдене, весной 1839 года Отто фон Бисмарк принялся за обустройство поместья Книпхоф. Однако эта деятельность и вообще сельская жизнь вскоре ему наскучили, точно так же, как и административная казуистика, хотя “сумасбродный Бисмарк” снова все устроил сообразно своим вкусам: “Я пользуюсь среди соседей-помещиков некоторым авторитетом, поскольку могу с легкостью прочесть написанное.., курю очень крепкие сигары.., и с вежливым

хладнокровием спаиваю своих друзей”. Впрочем, новоявленный помещик принимал участие в местном самоуправлении в качестве депутата от округа, заместителя ландрата [5] и члена ландтага [6] провинции Померания. Горизонты своего образования он в этот период расширил посредством поездок в Англию, Францию, Италию и Швейцарию, а также посредством усердного чтения немецких и английских классиков и романтиков, причем Шекспир и Байрон оказали на него, как и на каждого немца, большее влияние, чем Гете.

В 1843 году в душе Бисмарка произошел поворот, покончивший с тем состоянием, которое он сам называл “безвольным плаванием по волнам жизни под властью только одного руля – сиюминутной склонности”. Бисмарк свел знакомство с померанскими пиетистами [7], группировавшимися вокруг семейств фон Бланкенбург, фон Тадден и фон Клейст-Ретцов. Он познакомился с невестой своего друга Морица фон Бланкенбурга, Марией фон Тадден, и вел с ней долгие беседы на темы религии. Личность этой девушки, ее христианские убеждения и, в первую очередь, то, как она держала себя во время тяжелой болезни, которая преждевременно свела ее в могилу, глубоко потрясли Бисмарка и стали причиной его “обращения” в веру – не признающую догм христианскую веру в своего личного бога. Здесь корни убежденного служения прусскому государству и монарху, под знаком которого прошла вся его дальнейшая жизнь: служить королю впредь означало для него одновременно служить Богу.

У Марии фон Тадден Бисмарк познакомился с Иоганной фон Путткамер, руки которой просил в декабре 1846 года, обратившись к ее отцу, Генриху фон Путткамеру, с “письмом-предложением”. Оно содержало ключ к пониманию изменений, свершившихся в его душе, однако местами в авторе уже угадывался будущий целеустремленный политик-тактик. В письме был отчет о прежней жизни: “Я воздерживаюсь от каких-либо уверений, касающихся моих чувств и намерений относительно Вашей дочери; ибо шаг, который я предпринимаю, говорит об этом громче и красноречивее слов. Обещания на будущее Вас также не могут устроить, поскольку Вам лучше моего известна ненадежность человеческого сердца, и единственный залог благополучия Вашей дочери – это моя молитва о благословении Господнем”. В письме брату Бисмарк охарактеризовал невесту как “женщину редкой души и редкого благородства убеждений”. Брак с Иоганной вскоре стал для Бисмарка основой существования в самом широком смысле слова, незыблемой опорой в любой критический момент до самой

смерти жены в 1894 году.

Свадьба состоялась 28 июля 1847 года. К этому моменту внешняя сторона жизни Бисмарка была отмечена еще двумя вехами. В 1845 году он переселился из Книпхофа в Шенхаузен и работал там в качестве инспектора плотины. Он также стал депутатом ландтага провинции Саксония. Однако гораздо большее значение, чем этот повторный опыт представительства прусской провинции, имело назначение Бисмарка в феврале 1847 года на должность представителя остэльбского рыцарства в Объединенном ландтаге. Назначение исходило непосредственно от короля Фридриха Вильгельма IV. Объединенный ландтаг – первый (не избранный, а созданный единоличной волей короля для ограниченных целей) псевдообъединенный парламент Пруссии впервые собрался в мае того же года.

***

Это событие можно считать подлинным началом политической карьеры Бисмарка. Его деятельность в межрегиональном органе сословного представительства, сформированном прежде всего для контроля финансирования Остбана (дороги Берлин-Кенигсберг), состояла преимущественно в произнесении острых речей, направленных против стараний либералов создать настоящий парламент. Бисмарк прерывает описание этого периода в мемуарах отступлением, в котором объясняет свою позицию по отношению к абсолютизму и парламентаризму. Невозможно однозначно оценить, насколько эти высказывания действительно соответствовали его точке зрения в тот момент и насколько в них просматриваются более поздние взгляды. Однако кое-что говорит не в пользу исключительно ретроспективного рассмотрения: “Неограниченный авторитет старой прусской королевской власти был и остается отнюдь не последним словом моих убеждений. Впрочем, для последних на первом Объединенном ландтаге этот авторитет монарха существовал в своем государственно-правовом выражении, однако с пожеланием на будущее, чтобы абсолютная власть короля сама, не предпринимая никаких опрометчивых шагов, устанавливала пределы своего ограничения… Еще в 1847 году я был сторонником возможности открытой критики правительства в парламенте и в прессе. Это помогло бы оградить монарха от опасности того, что женщины, царедворцы, карьеристы и фантазеры наденут на него шоры, мешающие ему охватить взором государственные задачи, а также избежать

промахов или исправить их последствия… Идеальной мне всегда представлялась такая монархическая власть, которая контролировалась бы со стороны независимого, сословного или корпоративного представительства земель. Контроль должен быть таким, чтобы монарх или парламент могли изменять существующие законы не в одностороннем порядке, а только лишь на основе консенсуса, публично и при наличии открытой критики всего происходящего в государстве со стороны прессы и ландтага". Однако в 1847 году страсть Бисмарка к ведению дебатов была направлена не против черт абсолютизма, свойственных монархии, а против либеральной оппозиции в Объединенном ландтаге, которая напоминала о невыполненных с 1815 года конституционных обещаниях короля Фридриха Вильгельма III. В своей реплике Бисмарк не останавливался перед тем, чтобы извратить аргументы либералов: "Мои заявления вызвали бурю негодования. Я остался на трибуне, листал газету, и после того, как шум утих, закончил свою речь". В общем, его выступления в ландтаге продемонстрировали воинственный темперамент, который можно назвать почти необузданным. При этом будущий канцлер не злоупотреблял предметной аргументацией. Того самообладания, которое позднее было характерного для Бисмарка в самых жарких спорах, тогда еще не было и в помине. В кругу своих друзей-консерваторов он пользовался репутацией особо активного защитника их интересов, который с помощью красноречия и блеска своих выступлений был способен устроить "фейерверк", отвлекал внимание от предмета дискуссии и будоражил умы даже за пределами Объединенного ландтага.

НАЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПОЛИТИКА: УГРОЗА РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЛАСТИ В ПРУССИИ (1848 – 1862)

Весь ход, а также политические и социальные последствия революции 1848 года, охватившей большую часть Европы, оказали на Бисмарка глубокое воздействие и надолго укрепили в той консервативной позиции, которую он занял несколько лет назад в результате “обращения”. Несмотря на критику по адресу монархической системы, раздававшуюся в домартовский период из лагеря либералов и демократов, Бисмарк никогда не считал, что в Пруссии возможна революция. Однако в еще меньшей степени он вообще мог представить себе масштабы бессилия, беспомощности и уступчивости, проявленные королем Фридрихом Вильгельмом IV по отношению к революционерам в ходе мартовских событий в Берлине. Поскольку в тот момент он безучастно относился к националистским потугам немецкого либерализма и был склонен видеть в революции лишь “алчность неимущих”, то считал своей основной задачей подчеркивать историческую роль Пруссии и аристократии как истинной движущей силы монархии (на крайний случай временно даже в виде роялизма в отсутствие королевства) и всеми средствами защищать существующий социальный порядок.

Вначале, в марте 1848 года, все мысли и поступки Бисмарка сконцентрировались в едином страстном порыве, направленном против любых, как активных, так и пассивных проявлений революции в Берлине. Так, он намеревался совершить со своими шенхаузенскими крестьянами “марш” на Берлин для оказания вооруженного сопротивления восстанию, пытался также склонить к контрреволюционным акциям некоторых генералов из командования прусской армией. Однако неукротимый монарх вынужден был смириться с происходящим: сам король не одобрял такого рода действий, так как считал себя в достаточной безопасности под охраной своих граждан. “Пруссия отныне растворится в Германии”, – возвестил Фридрих Вильгельм IV в своем воззвании “К моему народу и немецкой нации” от 21 марта 1848 года. Бисмарк примкнул к ультра консервативной придворной клике генерал-адъютанта короля, Леопольда фон Герлаха, считавшейся антиреволюционной, однако, как выяснилось в 1848 г ., в то же время ориентированной против

абсолютной монархии и отстаивающей значение сословий, прежде всего аристократии. Затем Бисмарк принял участие в создании газеты “Кройццайтунг”, придерживающейся того же направления, и в созыве так называемых “Юнкерского парламента”, “Союза защиты собственности и подъема благосостояния всех классов”. В эти дни Фридрих Вильгельм IV дал Бисмарку такую оценку: “Употреблять только тогда, когда безраздельно правит штык”.

Законодательное национальное собрание Пруссии, избранное на основе всеобщего равного избирательного права и считавшее себя панданом [8], а затем конкурентом немецкого Национального собрания, заседало во франкфуртской Паульскирхе и преследовало цель создания немецкого национального государства, нового Германского рейха. Бисмарк в Законодательное собрание не вошел, ибо хоть и добивался депутатского мандата, но – как и следовало ожидать – избран не был. К этому периоду относятся презрительные высказывания о “лотерее” выборов. Однако он вошел в состав первой палаты депутатов Пруссии, избранной после роспуска Национального собрания прусскими военными (по приказу “замененного” короля 5.12.1848 г, на основе навязанной монархом конституции), равно как и в состав следующей, в августе 1849 года, а также в состав “рейхстага” Эрфуртского союза. Из всех многочисленных речей и прочих высказываний Бисмарка в период революции следует отметить те, которые наиболее явственно отражают его взгляды на историческую роль Пруссии, на “германский вопрос”, международную ситуацию и вытекающие из нее возможности для Пруссии. “Мы пруссаки и пруссаками хотим оставаться”; “мы, со своей стороны, еще принесем юнкерству славу и блеск”. “Народ ., не нуждается в том, чтобы видеть, как прусское королевство расплылось в гнилом болоте южногерманского беспорядка. Его верность принадлежит не имперскому правлению, существующему только на бумаге.., она принадлежит живому и свободному королю Пруссии .. (Я) надеюсь .. Бог даст, чтобы мы еще долго оставались пруссаками, когда этот клочок бумаги (имперская конституция, принятая в Паульскирхе) уже будет предан забвению, словно сухой осенний листок… Пруссия сама всегда будет в состоянии дать Германии законы, а не заимствовать их от других .. Пусть франкфуртская императорская корона (предложенная королю Фридриху Вильгельму IV) блестит очень ярко, однако то золото, которое придает блеску подлинность, можно получить только в сплаве с короной Пруссии ..Прусская армия.., останется армией короля, и делом чести будет считать повиновение… Прусская честь состоит, по моему мнению,

не в том, чтобы пруссаки повсюду в Германии изображали из себя донкихотов по отношению к обиженным парламентским знаменитостям… Я вижу прусскую честь в том, ..что Пруссия не допустит, чтобы в Германии что-либо происходило без согласия Пруссии". "Германского единства желает каждый, кого об этом спрашивают, лишь только он заговорит по-немецки; но с этой конституцией я его не хочу". Из этих и подобных высказываний явствует, что Бисмарк уже тогда считал разумным объединение немецких государств (не нации, и, уж конечно, не путем революции), однако – и это он выдвигал в качестве условия – лишь в том случае, если Пруссия не только сохранится как государство, но укрепится и будет представлять собой определяющую политическую и социальную силу Германии. Поэтому метод, основанный на объединении с другими немецкими землями и с национальным движением (Эрфуртский рейхстаг), который доверенный советник Фридриха Вильгельма IV, фон Радовиц, использовал после провала революции в 1850 году в своей союзной политике, Бисмарк считал неудачным. По его мнению, такая политика вела в тупик международной изоляции Пруссии, тем более что она осуществлялась против интересов Австрии и в отсутствие тесного контакта с Россией, в тот период ведущей великой державой Европы из числа тех, что придерживались консервативных взглядов. "Германский вопрос, – писал Бисмарк жене, – был решен дипломатическим путем и на поле брани". В речи, произнесенной 6 сентября 1849 года, он говорил о ретроспективе возможностей, открывавшихся перед Фридрихом Великим (причем в словах о прошлом ясно прослеживалась аналогия с настоящим), и об альтернативе: или двигаться по совместному пути с Австрией, или же, действуя в одиночку, предоставить Пруссии "соответствующее место", с тем "чтобы способствовать достижению Германией той власти, которая подобает ей в Европе". "Все мы хотим, чтобы прусский орел, защищая и господствуя, простер свои крылья от Немана до Доннерсберга", – этим Бисмарк уже открыто заявил о том, что завоевание Пруссией господствующего положения в Северной Германии является внешнеполитической задачей первоочередной важности. Если в тот момент тесную связь с Россией из консервативной солидарности он воспринимал как нечто само собой разумеющееся, то в речи, произнесенной 24 сентября 1849 года, отметил, что, по его мнению, между континентальными державами и Англией существуют крупные разногласия, вследствие которых возникает необходимость в другой форме государственности (монархии военного образца) и в другой форме правления. Его критика была адресована либералам,

считавшим Англию образцом во всех отношениях: “В ссылках на Англию состоит наше несчастье. Дайте нам все английское: английскую богобоязненность и английское уважение к закону, всю английскую конституцию, но зато и английские условия земельной собственности, английское богатство и английский коллективизм, а в особенности же английскую палату общин, короче говоря, все, чего у нас нет, и вот тогда я скажу, что Вы можете править нами на английский манер”.

Союзная политика Радовица во внутригерманских отношениях привела к противостоянию с Австрией. Россия вследствие недоверия к национальной германской политике того же Радовица стала на сторону Австрии, и в результате, как и предсказывал Бисмарк, возникла дилемма: война на фоне неблагоприятных предпосылок или политическое отступление, т.е. отказ от великих намерений и возвращение Пруссии в реставрированный Германский союз при главенствующей роли Австрии. Подписанное 29 ноября 1850 года в Ольмюце предварительное соглашение, которое всеми национальными и либеральными силами Германии рассматривалось как тяжелое поражение Пруссии, являло собой решение в пользу последней из этих двух возможностей. 3 декабря 1850 года Бисмарк произнес в палате депутатов Пруссии речь в оправдание такого решения, приводя, к удивлению своих консервативно настроенных друзей, аргументы, которые следовало понимать не только как отказ от всяких иллюзий национального и либерального толка, но и как явное дистанцирование от консервативной политики. Вот характерный фрагмент этой речи: “Единственной здравой основой крупного государства, и этим оно существенным образом отличается от малого, является государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой страны вести споры о деле, не входящем в сферу ее собственных интересов. Политику, что в кабинете, что в палате, нетрудно на волне популярных веяний трубить в военные трубы и при этом сидеть в тепле у камина или с этой трибуны произносить грозные речи. Солдат, истекающий кровью на снегу, должен решать, снискала та или иная система взглядов победу и славу, или нет. Это нетрудно, но горе политику, если он не найдет такой причины для начала войны, которая останется веской и после последнего выстрела”. Впрочем, произнося эту речь – в свете антиавстрийских настроений, царивших прежде всего среди большинства либералов, она звучала отнюдь не бесспорно и для некоторых консерваторов – Бисмарк отметил и задачи общеевропейского уровня, стоящие перед великой державой Габсбургов. В полном идеологическом соответствии с позицией ультраконсервативной “клики”, но в то

же время и с оттенком собственного взгляда на политику и власть, дальновидный консерватор заявил: “Для меня прусская честь состоит в том, чтобы Пруссия держалась подальше от любых бесславных связей с демократией, чтобы Пруссия ни в данном, ни в каком-либо другом вопросе не допускала ничего, что происходило бы без ее одобрения, чтобы то, что Пруссия и Австрия на основании совместного независимого выбора считают разумным и политически правильным, было исполнено обеими равноправными державами-хранительницами Германии”. После этого Фридрих Вильгельм IV по рекомендации Леопольда фон Герлаха назначил Бисмарка посланником Пруссии при Германском союзе, в бундестаге, вновь заседавшем во Франкфурте. В 1851 году он отправился туда, как сам позже выразился, “в состоянии политической невинности”. Это в первую очередь касалось отношения к верховной власти Австрии.

Впрочем, до 1852 года Бисмарк оставался также депутатом прусского ландтага и в этом качестве выступал с резкой критикой конституционной системы. Последним на тот момент ее плодом была навязанная конституция от января 1850 года, предусматривавшая трехступенчатое избирательное право [9] для палаты депутатов. Полемика прусского консерватора с либералами была столь яростной, что в 1852 году дело даже дошло до дуэли с одним из их лидеров, Георгом фон Винке.

В возрасте 36 лет Бисмарк занял важнейший дипломатический пост, который мог предоставить король Пруссии в ситуации, сложившейся после революции 1848-1849 гг, и провала “союзной” политики. Уже после недолгого пребывания во Франкфурте Бисмарк констатировал, что нечего и думать о возрождении прежнего объединения Австрии и Пруссии в рамках Германского союза, под знаком которого, согласно общеевропейским замыслам канцлера Австрии князя Меттерниха, прошли десятилетия между Венским конгрессом 1814-1815 года и революцией 1848 года. Возрождение союза было невозможным, поскольку при премьер-министре князе Шварценберге Австрия стремилась низвести Пруссию до положения младшего партнера в рамках 100-миллионной “Средней Европы” под австрийским господством. В результате до-мартовская скрытая напряженность между обеими великими немецкими державами приобрела явный характер.

Визит Бисмарка летом 1851 года в замок Иоганнисберг в Райнгау, где после возвращения из лондонского изгнания уединенно жил 78-летний князь Меттерних, стал примечательным событием. Князь признал, что Пруссия еще не может быть удовлетворена своим положением, и именно поэтому

в сферу высших интересов Австрии входит “удовлетворенность” Пруссии, ибо лишь при таком условии возможно длительное партнерство равных. Возможно, Бисмарка, который в 1888 году упомянул об этом в беседе, подвела память, или он сознательно вложил в уста стареющего австрийского государственного деятеля одно из ключевых понятий своей политической платформы – “удовлетворенный” – чтобы оправдать собственную политику до и после 1866-1871 гг. Во всяком случае, критика антипрусской политики Шварценберга со стороны Меттерниха представляется вполне вероятной.

Отношения Бисмарка с австрийским президент посланником графом Туном, который отклонил попытки представителя Пруссии продемонстрировать равноправие, быстро обострились, и уже в ноябре 1851 года разногласия вышли на принципиальный уровень. Об этом конфликте Бисмарк не без иронии сообщал в Берлин следующее: “Он говорил подобно Позе [10] и развивал великогерманские фантазии; он довел свои идеи до такого совершенства, что объявил существование Пруссии и даже Реформацию прискорбным обстоятельством, но оба мы ничего не можем в этом изменить и должны руководствоваться фактами, а не идеалами…” Тун, со своей стороны, сравнивал Пруссию с человеком, которому однажды выпадает крупный жребий, и он настраивается на постоянное повторение этого счастья. В реплике Бисмарка о том, что Пруссии следует еще раз сыграть в лотерею, впервые содержался скрытый намек на неизбежность военного решения спора между двумя великими немецкими державами, если другим путем стремление Пруссии к господству не будет удовлетворено.

В переписке с премьер-министром Пруссии Отто фон Мантейфелем и с Леопольдом фон Герлахом, в письмах к жене (которая с тремя детьми – Марией, Гербертом и Вильгельмом – осталась в Шенхаузене), а также к друзьям Бисмарк в течение франкфуртского периода своей деятельности в интересах союза не только набрасывал картину событий, но и выражал свои политические взгляды и представления. Автор рассчитывал на то, что содержание его писем дойдет до короля Фридриха Вильгельма IV. Написанные оригинальным и метким языком, благодаря своей выразительности и образности, они стали в ряд лучших образцов немецкой прозы XIX века. Бисмарк в своих посланиях все более отдалялся от ультраконсервативных принципов, исповедуемых друзьями из окружения Герлаха, и в конце концов совершил прорыв к той позиции, которая по аналогии с понятием, введенным Людвигом фон Рохау (1853 год), была названа “реальной политикой” и провозглашала отказ от

использования любой идеологии в качестве основы государственного курса. Однако подчеркнутое внимание к нуждам своей страны для Бисмарка включало в себя признание интересов других крупных держав. Поэтому письма того периода одновременно представляют собой комментарии событий, происходивших на международной политической арене, и дают возможность ознакомиться со сложившимися у него представлениями относительно расстановки европейских сил, в условиях которой Пруссии предстояло действовать сообразно своим интересам.

Крымская война явилась паузой в развитии европейской политики, на пути от солидарности к соперничеству “великих держав” в рамках европейского “концерта”. На фоне продолжительной и глубоко укоренившейся напряженности между фланговыми державами – Англией и Россией, подъема Второй империи во Франции под властью Наполеона III и политического разрыва между двумя наиболее значительными оплотами консерватизма – Россией и Австрией, война стала поворотным пунктом и в политическом мышлении Бисмарка. Прежде всего это касалось полемики с Габсбургской монархией по вопросу главенствующего положения в Центральной Европе, отводимого Пруссии или Австрии. В декабре 1853 года, в момент, когда кризис был в разгаре, а война еще не началась, Бисмарк писал Леопольду фон Герлаху, который предпринимал все усилия для поддержания связей между Россией и Австрией, о своих опасениях, “что Австрия будет выступать на Дунае от имени Центральной Европы, а за фасадом больной государственности бряцать прусскими талерами и германскими штыками в своих собственных целях”. “Германская Пруссия всегда будет слишком толста.., чтобы предоставить Австрии такую свободу маневра, к которой та стремится. У нашей политики нет другого учебного плаца, кроме Германии, уже хотя бы в силу географической нерасторжимости ..Мы дышим воздухом, отнятым изо рта друг у друга, и кто-то один должен отойти, или же его "отойдут"”. 15 февраля 1854 года, также еще до начала войны между двумя западными державами и Россией, Бисмарк в письме к премьер-министру Мантейфелю высказал опасение, что политика Пруссии, колеблющейся между Англией и Россией, в случае уклонения в сторону Австрии, союзницы Англии, может вовлечь ее в войну против России. “Я бы поостерегся, – писал Бисмарк, – в поисках защиты от бури причалить наш нарядный и прочный фрегат к старому, источенному червями военному кораблю Австрии. Из нас двоих мы плаваем лучше и для любого будем желанным союзником, как только захотим отказаться от изоляции

и строго соблюдаемого нейтралитета, и если впоследствии мы сможем ставить условия в обмен на наше содействие, то сегодня было бы нелегко избежать видимости того, что мы в испуге ищем помощи. Крупные кризисы делают погоду, которая способствует развитию Пруссии, и мы используем их бесстрашно, а иногда и слишком безоглядно". Позже, в разгар Крымской войны, в феврале 1855 года, Бисмарк писал Мантейфелю: "Когда четыре года назад я прибыл сюда, то не был, разумеется, принципиальным противником Австрии, но я был бы вынужден отречься от малейшей капли прусской крови, если бы хотел сохранить в себе хотя бы умеренное предпочтение Австрии, как его понимают ее сегодняшние власть имущие". Годом ранее он предостерегал Герлаха от союза с соседней державой по идеологическим мотивам:

"Только никаких сентиментальных союзов, в которых сознание того, что ты поступил хорошо, призвано стать расплатой за благородство жертвы".

Высказывания Бисмарка в период Крымской войны еще не позволяют сделать вывода о том, что он считал неизбежным разрешение прусско-австрийского спора военным путем. Однако все его заявления ясно свидетельствовали о том, что он решительно отклонял ведущую роль Австрии в составе Германии, каковой целеустремленно пыталось добиться венское правительство, начиная с 1850-1851 гг., и каковая предполагала участие Пруссии в таких сферах политики, где речь шла преимущественно или исключительно лишь об австрийских интересах. При этом первично важным было "регулирование", а не "устранение" (В.Моммзен) германского дуализма, баланс которого нарушился в пользу Австрии. К такому же выводу пришел Бисмарк в так называемом "Великолепном послании" Мантейфелю от 26 апреля 1856 года, после заключения Парижского мира, завершившего Крымскую войну со status quo minus [11] для России. В нем он называл важнейшим результатом Крымской войны крах основанного на принципах консерватизма союза трех восточных держав. Разрыв между Россией и Австрией продлится долго. Теперь Россия склонила на свою сторону в качестве будущего союзника Францию, которая с 1815 года находилась в Европе в политической изоляции. Пруссия ни в коем случае не должна стать противником одной из этих вновь складывающихся группировок или позволить Австрии или Англии втянуть себя в контркомбинацию. Более открыто чем когда-либо Бисмарк выражал свое недоверие по отношению к союзу с Англией:

"где газетные статьи должны значить больше, чем

соображения государственных деятелей". "Безопасность островного расположения Англии облегчает ей отказ от континентального союзника и позволяет бросить его на произвол судьбы, в зависимости от интересов британской политики". Австрия же, со своей стороны, выступая в роли союзника, "будет всегда готова выбраться из затруднительного положения за наш счет, нас оставив в упомянутом положении". "Согласно политике Вены, Германия слишком тесна для нас двоих; до тех пор пока не принята и не претворена в жизнь честная договоренность о влиянии каждого в пределах Германии, мы оба возделываем одну и ту же пашню, и до тех пор Австрия останется единственным государством, которому мы проигрываем и у которого могли бы выигрывать". Может случиться, "что по прошествии не слишком долгого времени нам придется сражаться против Австрии за собственное существование, и не в наших силах будет избежать этого, ибо развитие событий в Германии не имеет другого выхода". Но: "Я никоим образом не намереваюсь на этом основании сделать вывод, что теперь наша политика не должна быть направлена на разрешение разногласий между нами и Австрией на возможно более благоприятных условиях".

Тот общеизвестный факт, что центр тяжести европейской политики переместился в Париж, побудил Бисмарка еще во время Крымской войны, летом 1855 года, а затем еще раз весной 1857 года нанести разведывательные визиты Наполеону III, чтобы составить собственное впечатление об императоре французов, о котором повсеместно сложились столь различные мнения. Он нашел его менее значительным, но и менее опасным, чем ожидал, руководствуясь основанными на стереотипах представлениями своих друзей, крайних консерваторов. Такая оценка фигуры Наполеона III окончательно отдалила Бисмарка от окружения Герлаха. Кроме того, линия разрыва между ними была обозначена "Ceterum censeo" [12] Бисмарка: "Мы должны оперировать реалиями, а не вымыслами". Добрые отношения с Францией именно в ситуации, сложившейся после Крымской войны, Бисмарк считал "требованием самосохранения, а не честолюбия". "Уже внешняя видимость интимных отношений между Пруссией и Францией" пошла бы на пользу положению Пруссии в схеме расстановки сил. На обвинение в измене принципам консерватизма Бисмарк 11 мая 1857 года дал следующий ответ: "Симпатии и антипатии как свои, так и других людей, по отношению к иностранным державам и личностям я не могу оправдать перед своим чувством долга, которое испытываю, служа моей стране на дипломатическом поприще. В этом уже есть зародыш неверности правителю или стране, которой служишь".

Его несправедливо подозревали в бонапартизме. Вот ответ на эти подозрения: “В 50-м году наши противники обвинили меня в предательской симпатии к Австрии, и нас называли венцами в Берлине; позже сочли, что мы пахнем юфтью и называли нас казаками с берегов Шпрее. В то время на вопрос, тяготею ли я к России или к западным державам, я всегда отвечал, что я тяготею к Пруссии, а мой идеал политика – непредвзятость, независимость в принятии решений от симпатий или антипатий к чужим государствам и их правителям”. В письме Леопольду фон Герлаху от 30 мая 1857 года Бисмарк пошел еще дальше, рассматривая тему угрозы революции в длительной перспективе и сравнивая проблему Франции с проблемой Англии: “Принцип борьбы с революцией я признаю также и своим, однако не считаю правильным выставлять Луи Наполеона единственным или даже образцовым представителем революции .. Когда Луи Наполеон называет себя “elu de sept millions” [13], то упоминает факт, который не может отрицать.., однако я не могу сказать о нем, что он, получив власть, на практике продолжает служить принципу суверенитета народов и считает волю народа законом, как это теперь все шире распространяется в Англии… Бонапартизм отличается от республики тем, что не нуждается в насильственной пропаганде своих принципов правления… Угроза другим государствам с помощью революции – это сегодня, по прошествии ряда лет, излюбленное занятие Англии”. В то время как Наполеон III (на взгляд Бисмарка) подавил революцию во Франции и фактически был легитимным монархом среди монархов, переход в Англии реальной власти от монарха к кабинету, зависящему от парламента, то есть от подверженного переменам настроений большинства народа, делал правителя более не способным к принятию рациональных решений. Бисмарк рассматривал положение на острове как элемент ненадежности международной политики. Поскольку требование парламентаризма и демократизации несет в себе “опасность заражения” и для других наций, особенно для Пруссии, это представляет гораздо большую угрозу стабильности всей Европы, чем бонапартизм во Франции.

Эта опасность в значительной мере угрожала интересам Пруссии как в политической, так и в социальной сфере. Как показали события 1848 года, угрозе можно было противодействовать, по мысли Бисмарка, только успешной и динамичной внешней политикой Пруссии, поглощающей любые проявления энергии нации. Впрочем, в мае 1856 года, находясь под впечатлением той весьма скромной роли, которую сыграла Пруссия на Парижской мирной конференции, он в письме

Леопольду фон Герлаху так излагал свой взгляд на ограниченные исходные возможности своей страны: “Нам не дано строить отношения между другими великими державами по своему выбору, однако мы можем сохранить за собой свободу использовать отношения, складывающиеся без нашего участия и, возможно, помимо нашего желания, в соответствии с требованиями нашей безопасности и в наших интересах”. Год спустя в письме премьер-министру фон Мантейфелю от 2 июня 1857 года он настаивал на необходимости готовности Пруссии к крупному наступлению на политическом фронте, которое обещало стать поворотным для роли Центральной Европы в общеевропейской системе распределения власти: “Находясь в центре Европы, невозможно пассивно выжидать развития событий и избегать встречи с ними; такие попытки часто приводят к печальным последствиям, например, к нерешительности и отсутствию планомерных шагов, что было характерно для прусской политики в 1805 году. Если мы не возьмем на себя роль молота, то легко может случиться, что останется лишь роль наковальни”.

В 1858 году брат короля Фридриха Вильгельма IV, страдавшего психическим заболеванием, принц Вильгельм, стал регентом. В результате значительно изменился внутриполитический курс Пруссии, а для Бисмарка это означало прежде всего сужение сферы влияния. Период реакции завершился; провозглашенная принцем-регентом “Новая эра”, начало которой он демонстративно подчеркнул назначением правительства либерального толка, в сфере внешней политики была ознаменована девизом: “В Германии Пруссия должна совершать моральные завоевания”. Выдвижение правовой идеи на передний план наглядно подчеркнуло ее отличие от основанной на приоритете власти бисмарковской концепции грядущей прусской внешней политики. Кроме того, Августа, супруга Вильгельма, ненавидела Бисмарка со времен конфликта, который произошел между ними в бурные мартовские дни 1848 года и подробности которого остались неизвестными. Однако еще до официального вступления принца Вильгельма в регентство Бисмарк пытался вызвать у него интерес к своей политической концепции. В марте 1858 года он отослал свою 92-страничную докладную записку, получившую известность под названием “Малая книга господина фон Бисмарка”. В записке с прицелом на национальные эмоции адресата во всех аспектах рассматривалась идея объединения политики прусской власти с интересами других германских стран за исключением Австрии: “Прусские интересы полностью совпадают с интересами большинства стран

союза, кроме Австрии, но не правительств союза, и нет ничего более немецкого, чем развитие (при условии правильного их понимания) частных интересов Пруссии". Этим Бисмарк косвенным образом делал ставку на силы, которые воздействовали на немцев как в экономической сфере, со стороны Германского таможенного союза, у кормила которого стояла Пруссия, так и с точки зрения программного курса, со стороны реликтов прусского реформизма (прежде всего университетов), хотя ему самому эти реформистские традиции были совершенно чужды. В мае 1859 года, на стадии возрождения немецких национальных движений, Бисмарк в беседе с Виктором фон Унру, президентом Национального собрания Пруссии 1848 года, впервые заговорил о том, что "немецкий народ – лучший союзник Пруссии": "Единственный надежный, выносливый союзник, которого может иметь Пруссия, если обратится к нему, это немецкий народ". Здесь выразились значительные изменения, которые произошли во взглядах Бисмарка на германскую политику, по сравнению с его идеями образца 1848-1849 годов. С 1859 года убежденность в том, что интересы Пруссии и надежды немцев, не объединенных в пределах Австрии, могут быть приведены к общему знаменателю при примате прусской великодержавной идеи, представляет собой константу политической концепции Бисмарка. Окончательная ясность в этом вопросе наступила в период Итальянской войны (между Австрией, Сардинией-Пьемонтом и Францией) летом 1859 года. Впрочем," к этому времени Бисмарк уже был отозван правительством "Новой эры" со своего франкфуртского поста и, как он сам с горечью прокомментировал, "выставлен на холод на Неве" [14] в качестве посланника при царском дворе в С. – Петербурге. Тем не менее именно петербургский опыт, приобретенный в процессе знакомства с расстановкой внутренних политических сил в окружении царя и в столичном "свете", позднее весьма пригодился ему. Во время Итальянской войны Бисмарк смог убедиться в том, что Россия по-прежнему занимает ключевые позиции в европейской политике, несмотря на поражение в Крымской войне. Для Пруссии в данный момент открывались возможности, о которых он упоминал в послании Отто фон Мантейфелю в июне 1857 года. В письме Густаву фон Альвенслебену от 5 мая 1859 года, генерал-адъютанту принца-регента, Бисмарк указал на существующие шансы: "Современная ситуация вновь посылает нам крупный выигрыш, если мы дадим войне Австрии с Францией развернуться, а затем выступим всей нашей армией на юг, то захватим с собой в ранце пограничные столбы, и установим их или на Боденском озере, или там, где

начинает иссякать протестантская вера. Где еще найдется европейское государство, кроме нас, вокруг которого 18 или, если вычесть католиков в Верхней Баварии и Верхней Швабпи, 14 миллионов рассеяны среди его собственных плохо пригнанных друг к другу звеньев и не хотят ничего другого, кроме как слиться воедино? Все эти люди спустя 24 часа после того, как мы их примем, будут биться за нас лучше, чем за прежнюю власть, особенно если принц-регент сделает им одолжение и перекрестит королевство Пруссию в королевство Германию". Несколько дней спустя Бисмарк писал прусскому министру иностранных дел барону фон Шляйницу: "Я предпочел бы лишь в том случае увидеть на нашем знамени слово "немецкий" вместо слова "прусский", если бы мы были соединены с прочими нашими земляками теснее и разумнее, чем до сих пор; слово это теряет свои чары, если его "износить" уже сейчас, в связи с бундестагом .. В наших внутрисоюзных отношениях я вижу для Пруссии опасность недуга, с которым нам рано или поздно придется бороться ferro et igni [15], если мы своевременно, в подходящее время года не проведем курс лечения". "Более благоприятные и более естественные отношения Пруссии со своими немецкими соседями" могли быть достигнуты, по мнению Бисмарка, только после ликвидации Германского союза. Однако подобная программа уничтожала идею возобновления объединения с Австрией, до сих пор считавшегося возможным при условии ограничения прусской экспансии в Северную Германию.

Деятельность Бисмарка в Петербурге была прервана из-за тяжелой болезни. Около года он провел в Германии (до июня 1860 года). На этот период приходится открытый разрыв с ультраконсерваторами и их представителем Леопольдом фон Герлахом. На последнее письмо Бисмарка от 2 мая 1860 года он не ответил. Бисмарк слишком резко обозначил пропасть, разделявшую их:

"Я дитя иного времени, чем Вы, но столь же честное по отношению к своему, сколь и Вы к своему". Он не хотел союза Пруссии с Францией:

"Если.., вернуться к реалиям, в настоящее время, то для меня Франция в роли союзника внушает наибольшие сомнения (хотя такую возможность я не должен исключать), ибо нельзя играть в шахматы, если из 64 клеток 16с самого начала под запретом". 10 декабря 1860 года он писал Шляпницу из Петербурга: "Относительно внутренней политики я, не только по привычке, но и по убеждению, и по утилитарным соображениям, настолько консервативен, насколько мне позволяет мой государь и сюзерен, и, как правило, иду до Vendee [16], т.е. и за того короля, чья

политика мне не нравится, но только за моего короля. Что же касается ситуации во всех других странах, я не признаю принципов, налагающих на пруссака-политика какие-либо обязательства; я вообще рассматриваю принципы только по мере полезности для целей Пруссии". Год спустя в письме одному из друзей бывший консерватор сформулировал свои рассуждения следующим образом: "эту систему солидарности консервативных интересов всех стран" он считает "опасным вымыслом" и "донкихотством" для Пруссии. Кроме того, он не понимает, "почему мы с такой чопорностью страшимся идеи народного представительства, либо в союзе, либо в парламенте Таможенного союза". Здесь ясно выражена концепция Бисмарка, которая, начиная в 1858 года, все отчетливее вырисовывалась в его рассуждениях: с помощью немецкого Национального парламента подорвать основы Германского союза и поставить немецкое национальное движение на службу прусской политике.

Дважды, летом 1861 года и в марте 1862 года, во время кризисов кабинета, вызванных конфликтом вокруг реформы армии, Бисмарк в качестве кандидата на пост министра иностранных дел по протекции своего друга, военного министра фон Роона, встречался с королем – принц-регент после смерти брата в январе 1861 года, был коронован как Вильгельм I. Бисмарк имел возможность изложить королю свои соображения касательно решения "немецкого вопроса": он считал "национальное представительство немецкого народа в центральных органах союза наиболее действенным, возможно, даже единственным и необходимым консолидирующим средством, которое сможет стать достаточным противовесом разрушительным тенденциям, свойственным политике, поддерживающей приоритет династии". При этом он имеет в виду "неавстрийскую Германию". И в первый, и во второй раз Вильгельм воздержался от назначения Бисмарка, который производил на него демоническое впечатление.

"Он счел меня более фанатичным, чем я был на самом деле", – подвел Бисмарк ретроспективный итог в своих мемуарах. В марте 1862 года король даже назвал его "слишком непостоянным". Однако в ответ на ходатайство фон Роона монарх в конце концов решил, что перспективного политика следует "(отправить) в Париж и Лондон, чтобы он повсюду познакомился с влиятельными людьми, прежде, чем стать премьер-министром".

22 мая 1862 года Бисмарк был назначен посланником Пруссии в Париже. Впрочем, до собственно дипломатической деятельности дело не дошло. Вначале он поехал на Всемирную выставку в Лондон и там вел переговоры с премьер-министром

Пальмерстоном (Palmerston), министром иностранных дел лордом Расселом и лидером консервативной оппозиции Дизраэли (Disraeli), которому откровенная речь Бисмарка показалась неприятной: “Take care of that man! He means what he says!” [17]. Непосредственно за этим он отправился на отдых в Биарриц, где встретил русского посланника в Брюсселе, князя Орлова, и его молодую жену Екатерину. Он влюбился в “хорошенькую княгиню” и, как в юности, забывая о времени и месте происходящего, самовольно продлил свой отпуск. Эти недели стали последним беззаботным временем в жизни Бисмарка. По возвращении в Париж он обнаружил в посольстве телеграмму от Роона с условным сообщением об остром правительственном кризисе, который делал вероятным назначение Бисмарка на высший государственный пост: “Periculum in mora. Depechezvous" [18].

БИСМАРК НА ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ПРУССИИ (1862-1871): ОСНОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ – ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ – ВОПРЕКИ БРЕМЕНИ ЕВРОПЕЙСКОГО РАВНОВЕСИЯ

Восемь лет, прошедших с назначения Бисмарка главой прусского правительства 22 сентября 1862 года до основания империи и провозглашения императора 18 января 1871 года, историку представляются не только как единый самоограниченный процесс, но и как “планомерное”, совершавшееся поэтапно осуществление политической программы дальновидного премьер-министра. Эта программа возникла в 50-е годы в результате его политических прикидок и расчетов, а с 1860-1861 гг, ее важнейшие принципы были окончательно определены. Разумеется, существовала опасность, что развитие событий будет происходить не столь прямолинейно и целенаправленно и прогнозы не будут соответствовать реальной ситуации тех лет. Об этом говорит Бисмарк в своей известной беседе с австрийским историком Фридюнгом, состоявшейся в июне 1890 года, вскоре после отставки: “Предположить, что государственный деятель может составить план на отдаленную перспективу и считать для себя законом то, что он предпримет через год, два или три года, значило бы не понимать сущности политики… В политике нельзя составить план на длительный период и слепо следовать ему. Можно лишь в общих чертах придерживаться избранного направления; его, правда, нужно придерживаться непоколебимо, однако пути, по которым мы идем к цели, нам не всегда знакомы. Государственный деятель подобен путешественнику в лесу: ему известен маршрут похода, но не та точка, в которой он выйдет из леса. Также и политик должен прокладывать торные дороги, чтобы не заблудиться. Нелегко было избежать войны с Австрией, но тот, кто обладает хотя бы малейшим чувством ответственности за судьбы миллионов, поостережется начинать войну до тех пор, пока не испробованы все иные средства. Ошибкой немцев всегда было желание получить все или ничего и упорно действовать лишь определенным методом. Я же, напротив, всегда был рад,

когда мог хотя бы на три шага приблизиться к единству немцев, неважно, по какому пути. Я с радостью ухватился бы за любое решение, исключая войну, которое привело бы нас к расширению Пруссии и к единству Германии. Много дорог вело к моей цели, мне пришлось пройти по каждой из них, и в последнюю очередь по наиболее опасной. Однообразие форм было не для меня". Даже если ретроспектива исторических событий и политических решений выглядит гармоничной и систематизированной, то не подлежит сомнению многосторонность и тактическая виртуозность Бисмарка в период 1862-1871 годов, проявленные в исходной сфере его деятельности, внешней политике, а также до некоторой степени и в политике внутренней (последняя в то время была полностью подчинена первой). Поскольку в схематичном тексте очерка события неизбежно выстраиваются по прямой линии, в отличие от реальной картины происходящего, знакомство с ретроспективными размышлениями государственного деятеля тем более уместно. Ведь мы склонны слишком легко забывать о том, что в момент назначения Бисмарка Пруссия из-за упрямства короля, проявленного им в конфликте вокруг реформы армии, находилась в политическом тупике, в котором "ничто не говорило о подъеме, все – только о закате власти короны" (В.Моммзен).

Разумеется, внешнеполитическая ситуация в Пруссии в сентябре 1862 года в целом не была неблагоприятной. Австрия в начале пятидесятых годов предприняла попытку включить Пруссию в качестве "младшего партнера" в "Центральную Европу", существующую под эгидой Австрии и ориентированную преимущественно на аграрные, доиндустриальные экономические интересы. Пруссия сумела отразить эту попытку, используя состояние международной напряженности, а затем, начиная с момента политического разрыва между Россией и Австрией после Крымской войны, приобрела значительное пространство для маневра. Это нашло выражение в первую очередь в прусско-французском торговом договоре, заключенном в результате длительных переговоров в марте 1862 года и означающем присоединение Пруссии, находившейся в состоянии промышленного подъема, к существующей со времени подписания Кобденского договора западноевропейской свободной торговой зоне. Документ подготовил существенную материальную основу для проведения Пруссией независимой великодержавной политики. Так были созданы экономические предпосылки для "мелконемецкого" решения – объединения Германии (без участия Австрии) под эгидой Пруссии. Экономические интересы прочих немецких государств,

принадлежащих к Германскому таможенному союзу, каковы ни были бы их политические симпатии – а большинство, несмотря на многочисленные разочарования, по-прежнему тяготело к Австрии, – nolens volens [19] требовали одобрения post factum этого самовластного шага, предпринятого ведущей силой таможенного союза, а именно Пруссией.

Внутриполитическая же ситуация в Пруссии была совершенно запутанной. План укрепления и переформирования прусской армии, который предложил военный министр фон Роон, руководствуясь печальным опытом с “бюргерским” ландвером при использовании его в 1848-1849 гг, и при мобилизации 1859 года, несмотря на признание необходимости военно-технических преобразований, натолкнулся на сопротивление со стороны либерального большинства палаты депутатов вследствие осложнений политического характера (ослабление “бюргерского” ландвера в пользу “королевской” линии). Принц-регент всецело отдался осуществлению этого плана и чрезмерно настаивал на предусмотренном реформой трехлетнем сроке службы (в целях воспитания молодого поколения в “школе нации” в духе монархических традиций). Ограниченный поначалу конфликт после многократного роспуска палаты депутатов и новых выборов, которые каждый раз приводили к увеличению числа либералов из рядов сформированной в 1861 году Германской прогрессивной партии, приобрел принципиальную остроту и вылился в альтернативу: королевское или парламентское правление. После того как все конституционные возможности были исчерпаны и попытки склонить палату депутатов к одобрению военной реформы оказались безнадежными, король Вильгельм уже наполовину склонился к тому, чтобы отказаться от трона; триумф либералов казался неизбежным. Прием Бисмарка в замке Бабельсберг 22 сентября 1862 года стал последней попыткой Роона предотвратить дальнейшее развитие событий, предвещавших конец военной мощи Пруссии. Выявившаяся в ходе беседы безоговорочная готовность кандидата в премьер-министры осуществить военную реформу вопреки мнению большинства членов палаты депутатов – он почувствовал себя “подобно курбранденбургскому вассалу, который видит своего сюзерена в опасности” – изменила мнение монарха: “Тогда моя обязанность попытаться вместе с Вами вести дальнейшую борьбу, и я не отрекаюсь”. Однако решение в пользу Бисмарка далось Вильгельму I с чрезвычайным трудом (“поскольку за 6 месяцев мне никого не назвали и я сам не нашел никого другого, кроме него”).

В кабинете, который временно возглавил Бисмарк – лишь 8

октября он был окончательно назначен премьер-министром Пруссии и министром иностранных дел – не было, кроме Роона, ни одной видной личности. Вначале Бисмарк не хотел обострять конфликт между монархом и большинством парламента, переросший из сферы военной в сферу конституционных разногласий, скорее стремился погасить его с помощью примирительных жестов, ибо самого премьера интересовала не реформа армии как таковая, а возможность как можно скорее перейти к действию на внешнеполитическом поприще. Первым делом он предпринял попытку (сыграв на национальных чувствах) привлечь на свою сторону оппозицию: при известных обстоятельствах приблизить к себе отдельных личностей или же расколоть ее. В рамках этой попытки, потерпевшей полный провал, следует трактовать и часто цитируемую речь, которую Бисмарк произнес 30 сентября перед бюджетной комиссией палаты представителей: “Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на ее власть; пусть Бавария, Вюртемберг, Баден будут терпимы к либерализму. Поэтому вам никто не отдаст роль Пруссии; Пруссия должна собрать свои силы и сохранить их до благоприятного момента, который несколько раз уже был упущен. Границы Пруссии в соответствии с Венскими соглашениями не благоприятствуют нормальной жизни государства; не речами и высочайшими постановлениями решаются важные вопросы современности – это была крупная ошибка 1848 и 1849 годов, – а железом и кровью”.

Это слово, а в еще большей степени поведение Бисмарка в роли нового шефа правительства вызвало бурю негодования со стороны либералов. Историк Генрих фон Трайчке, позднее горячий почитатель Бисмарка, заявил: “Когда я слышу,., что столь пустоголовый юнкер, как этот Бисмарк, хвастается “железом и кровью”, которыми хочет поработить Германию, то, мне кажется, здесь смехотворность даже превосходит подлость”. Ультраконсерваторы также поспешили дистанцироваться от происходящего. Даже Роон был против столь “глубокомысленных экскурсов”. Лишь иностранные дипломаты, знавшие Бисмарка, немедленно сообщили своим правительствам, что высший пост в прусском правительстве заняла выдающаяся личность. Король Вильгельм вначале также выражал сомнение в популярности политического par force своего нового премьер-министра: “Я совершенно ясно предвижу, чем все это кончится. Там, на Оперн-плац под моими окнами, Вам отрубят голову, а немного позже и мне”. Бисмарк якобы ответил на эти слова короля: “Et apres, Sire” [20]. Как следует из рассказа Бисмарка, король покорно констатировал: “Да, apres, и потом мы умрем!” “Да, – продолжил

я, – потом мы умрем. Умереть нам придется все равно, раньше или позже, но можно ли погибнуть более достойно? Я – в борьбе за дело моего короля, а Ваше Величество – скрепляя Ваши королевские права, дарованные милостью божьей, собственной кровью". Это не могло не задеть честь короля как пруссака и офицера.

Бисмарк вызвал еще больший накал конституционного конфликта, заострив вопрос о власти. Вследствие отказа палаты депутатов одобрить финансирование военной реформы возник дефицит бюджета, не предусмотренный конституцией ("теория дырок"). Соответственно правительство должно в отсутствие законодательной базы поднять налоги и оспорить государственные расходы по бюджету, в том числе и на военную реформу. "Я пришел к компромиссу, – писал Бисмарк, – ибо за неимением компромисса возникают конфликты, а конфликты перерастают в вопрос о власти, а поскольку жизнь государства не может замереть ни на миг, то тот, кто обладает властью, должен ее применять". Либеральное большинство, избранное в соответствии с трехступенчатой системой выборов, непоколебимо оставалось на своих местах – еще три года Бисмарку предстояло руководить без бюджета. Поэтому в момент наивысшего накала конфликта он взвесил все варианты и в период с октября 1863 года по январь 1864 года провел с президентом Всеобщего германского рабочего союза Фердинандом Лассалем несколько консультаций по вопросу о возможности обратить оружие всеобщего равного избирательного права против либералов, извлекавших для себя пользу из трехступенчатой системы выборов. Глава правительства надеялся, что сможет мобилизовать против либералов консервативно настроенные массы сельского населения, в то время как Лассаль делал ставку на то, что в Пруссии, идущей по пути интенсивного промышленного развития, в течение длительного периода будут преобладать голоса рабочих за социалистическую партию. В ходе бесед с Лассалем, затрагивавших и социальные вопросы, Бисмарк, опровергая либеральные взгляды, настаивал на праве государства регулировать конфликты между трудом и капиталом и in nuce [21] излагал свой взгляд на решение классовых проблем, исходящее от правительства ("сверху").

Однако Бисмарк отказался от использования всеобщего равного избирательного права, так как оно могло привести к революции. Он также отмежевался от планов государственного переворота, вынашиваемых некоторыми ультраконсерваторами и, прежде всего, главой военного кабинета Эдвином фон Мантейфелем. Это объяснялось тем, что государственная

бюрократия, вопреки симпатиям многих чиновников, продолжала сотрудничать с либералами, и “затишья” в жизни государства не возникло. Военная реформа была реализована при отсутствии правовой основы; Бисмарк теперь демонстрировал по отношению к палате депутатов Пруссии лишь иронию и насмешки. Итог был таков: сердцевина прусского военного и чиновничьего государства не была затронута этим конфликтом, тем более что либералы не выдвинули принципиального требования о преобразовании Пруссии в парламентарную монархию, где армия подлежала бы парламентскому контролю, а роль короля свелась бы к чисто представительским задачам.

К Бисмарку, который вначале довольно сильно волновался, вследствие такого исхода конфликта в течение нескольких месяцев вновь вернулась прежняя невозмутимость. Однако к начальной, бурной фазе следует отнести внешнеполитическую акцию Бисмарка, которую можно расценить как “Бегство вперед”; поскольку она была нацелена ни больше ни меньше как на принятие быстрого решения в противостоянии с Австрией на общегерманском театре развития событий. В декабре 1862 года состоялся обмен острыми репликами между Бисмарком и австрийским посланником в Берлине, графом Кароли. Прусский премьер-министр с непривычной откровенностью выступил в угрожающем тоне: его цель, завоевание Северной Германии Пруссией, должна быть достигнута “так или иначе”, с Австрией или вопреки ей. В случае войны Ганновер будет “при первом залпе из пушек” занят прусскими войсками. Но: “мирное” решение вполне возможно на основе перехода Северной Германии в прусскую сферу влияния и заключения австро-прусского альянса. При этом политическая ориентация Габсбургской монархии в любом случае должна сместиться от Германии в направлении Юго-Восточной Европы. В случае несогласия Австрии Пруссия выйдет из Германского союза и “nous croiserons les bajonettes” [22]. Однако негативный исход зондирования позиции Наполеона III относительно нейтралитета Франции на случай австро-прусской войны заставил Бисмарка отказаться от решения политических проблем военным путем и применить имеющиеся рычаги там, где еще в 1860 году возможности казались ему наиболее благоприятными. Несмотря на то, что согласие между внутренней и общегерманской политикой Пруссии было невозможно из-за отказа либералов пойти на предложенный им в сентябре 1862 года компромисс, ввиду обострения конфликта и ужесточения позиции политических фронтов, 22 января 1863 года Бисмарк использовал против Австрии последний козырь немецкого национализма. В

этот день во франкфуртском бундестаге не только потерпела поражение Австрия со своими планами реформирования Союза, весьма ограниченными и сконцентрированными только на интересах Габсбургской монархии. Прусский посланник Узедом по указанию Бисмарка огласил заявление принципиальной важности, в котором Пруссия высказалась за создание немецкого Национального парламента, избранного прямым тайным голосованием на основе равного избирательного права. Неприятие было всеобщим: со стороны второстепенных немецких государств, а также со стороны Австрии – из опасения за собственное существование, со стороны либералов всей Германии – поскольку этот маневр “министра конфликтов” они считали не более чем хитроумным тактическим ходом, а со стороны консерваторов – из принципа.

В тот же день (22 января 1863 года) в Польше вспыхнуло восстание против господства России, и поскольку речь шла о слабом звене на “стыке” политических образований Европы, начиная с Венского конгресса (1814-1815 гг.), то это событие тотчас же оказалось в центре международной политики и, разумеется, привлекло к себе интерес Бисмарка. Немецкая проблема на некоторое время осталась неразрешенной. Восстание в Польше (которое грозило перекинуться на прусскую провинцию Позен, заселенную преимущественно поляками) представилось Бисмарку шансом для восстановления связей с Россией и для противодействия сложившимся в Петербурге со времен Крымской войны тенденциям, партнерству с Пруссией предпочесть союз с Францией. Поскольку во Франции были широко распространены пропольские симпатии как либералов, так и католиков, подобный шаг со стороны России мог ослабить бразды правления в польской политике. В целом Бисмарк достиг своей цели, хотя успех отдельных шагов вызывал сомнения. Прежде всего это касается заключения Альвенслебенской конвенции, предусматривавшей тесное сотрудничество прусских и русских войск при подавлении восстания. Все же это можно назвать первым крупным политическим успехом, поскольку Наполеон III был вынужден сделать заявление не в пользу поляков, а значит, и не в пользу русской политики. Опасность союза России с Францией, который ограничил бы свободу действий Пруссии, отступила на длительный период. Кроме того, деятельность Бисмарка в период кризиса была содержательной в двух аспектах: относительно его взгляда на европейский “концерт” и относительно проблемы Польши.

В момент, когда ситуация в Польше обострилась и русские войска, казалось, готовы были отступить на восток, Бисмарк

публично заявил, что в этом случае прусские войска выдвинутся вперед и образуют личную унию Пруссия-Польша. На предостережение британского посланника в Берлине, что “Европа не потерпит такой захватнической политики”, Бисмарк ответил вопросом:

"Кто это – Европа?”, и тогда посланник пояснил: “Европа означает много крупных наций”. Эта игра слов при любом рассмотрении политических склонностей Бисмарка имеет значение постольку, поскольку он отвергал либеральные или консервативные – с его точки зрения – представления о единой Европе как абстрактном действующем факторе. В принципе признавая “крупные нации”, т.е. великие державы, в качестве носителей действующего начала “большой европейской политики”, прусский премьер воспринимал Европу как единство многообразия. С этим перекликается то, что Бисмарк думал и говорил о поляках и проблеме польского государства. Восстановление Польши (в границах 1772 года, до первого раздела, согласно требованиям восставших) перерезало бы, по его мнению, “важнейшие сухожилия Пруссии”, ибо в этом случае польскими стали бы Позен, Западная Пруссия с Данцигом и частично Восточная Пруссия (Эрмланд). 7 февраля 1863 года глава правительства дал прусскому посланнику в Лондоне следующее распоряжение: “Создание независимого польского государства между Силезией и Восточной Пруссией при условии настойчивых притязаний на Позен и на устье Вислы создало бы постоянную угрозу Пруссии, а также нейтрализовало бы часть прусской армии, равную крупнейшему военному контингенту, который в состоянии была бы выставить новая Польша. Удовлетворить за наш счет претензии, выдвигаемые этим новым соседом, мы не смогли бы никогда. Затем они, кроме Позена и Данцига, предъявили бы претензии на Силезию и Восточную Пруссию, и на картах, отражающих мечты польских мятежников, Померания вплоть до Одера называлась бы польской провинцией”. В речи, произнесенной 26 февраля 1863 года в палате депутатов Пруссии, Бисмарк возражал критикам конвенции Альвенслебена: “Склонность увлекаться чужими национальными устремлениями, даже тогда, когда они могут быть осуществлены лишь за счет собственной родины, представляет собой форму политического заболевания, географическое распространение которого, к сожалению, ограничивается Германией”. Несмотря на то, что здесь он различал понятия “симпатий как выражения человеческих чувств” и “прусских интересов как выражения политической неизбежности”, ненависть Бисмарка к Польше все же выходила

далеко за пределы обычного презрения к малым и средним государствам и неуважения их интересов. Он всегда мыслил категориями государства и конгломерата европейских государств, но не наций. Национальным движениям в лучшем случае отводилась функция вспомогательного средства для проведения политики государственной власти. Это средство в состоянии, однако, обрести взрывную силу, таящую в себе разрушительные последствия как для собственного государства, так и для конгломерата государств. С этой "дикой растительностью" в любом случае следовало обращаться крайне осторожно.

В случае с Польшей явно обнаружилась угроза основам прусского государства, которую Бисмарк усматривал на востоке (как и консерваторы в целом), а не в западных провинциях страны, присоединенных не так давно и в результате индустриализации выдвинувшихся на передний план. Потенциальной "угрозой жизни" пруссаков объясняется также сравнение биологического толка, которое он употребил в 1861 году в письме к сестре Мальвине: "Бейте же поляков, чтобы они потеряли веру в жизнь; я полностью сочувствую их положению, но нам, если мы хотим существовать, не остается ничего другого, кроме как истреблять их; волк не виноват в том, что Бог создал его таким, каков он есть, но его за это и убивают, если смогут". Однако "на плечах" Польши – это имело большое значение для всего периода деятельности Бисмарка и проявилось также и впоследствии – в 1863 году пришло возрождение прусско-русского альянса, но на этот раз не как прежде, под эгидой России, а скорее в такой форме, которая предоставляла прежнему младшему партнеру относительно большую свободу действий в Центральной Европе и, в ограниченных пределах, на западе.

Позиция Бисмарка во время польского восстания и восстановление связей с Россией натолкнулись на ожесточенную критику со стороны либералов, поэтому новые усилия, направленные на создание немецкого Национального собрания, вначале казались ему неразумными. Австрия, со своей стороны, попыталась использовать благоприятную, как ей казалось, ситуацию для того, чтобы провести выдержанную в своем духе ограниченную реформу "Германского бундестага", а император Франц Иосиф пригласил короля Пруссии во Франкфурт на "съезд князей", чтобы отдалить монарха от его премьер-министра. Лишь в ходе резкого спора с Вильгельмом в Баден-Бадене Бисмарку удалось заставить короля отказаться от монархической солидарности и, следовательно, от поездки во Франкфурт, в результате чего планы Австрии были перечеркнуты. "Сознание династической солидарности, свойственное Вильгельму I, с

трудом примирялось с ледяным материализмом его министра, который цинично назвал съезд празднованием дня рождения с князьями, одетыми в белое. Как бывало зачастую, в этот момент проявилось, что роялизм Бисмарка вполне уживался со стремлением подчинить себе волю короля. Впрочем, путь от титулованного слуги своего монарха до фрондера или даже узурпатора он так и не прошел до конца" (Т.Шидер).

Несмотря на неблагоприятную для него психологическую ситуацию, Бисмарк вновь – как в январе 1863 года – со всей убедительностью противопоставил австрийской концепции собственную. В ответ на меморандум Австрии от 22 сентября 1863 года касательно реформы Союза он заявил, что таковая заслуживает своего названия лишь в том случае, если предполагается формирование парламента, избранного непосредственно народом: "Интересы и потребности прусского народа неотделимы и никоим образом не отличны от интересов и потребностей немецкого народа; там, где этот принцип обретет свой истинный смысл и свою истинную значимость, Пруссии никогда не придется опасаться того, что она может быть втянута в политику, противоречащую собственным интересам". Средство, примененное здесь Бисмарком, было направлено непосредственно против Австрии и против правительств второстепенных немецких государств, которые твердо стояли на позициях суверенитета и строили свой внешнеполитический курс по австрийскому образцу, а опосредованно – против либералов, которых он намеревался поразить их же оружием и поставить в крайне затруднительное положение. Однако в свете предшествующих событий о быстром результате нечего было и думать.

Политика Бисмарка вызвала вначале известные надежды, а затем еще большее разочарование со стороны либерального и немецкого национального движения во время шлезвиг-гольштейнского кризиса, резко обострившегося в конце 1863 – начале 1864 года. Еще во время революции 1848 года на обоих эльбских герцогствах были сконцентрированы ожидания немецкого национального движения, а затем и разочарования из-за прусского государственного эгоизма. В сравнении с положением 1848 года в 1864 году и без того сложная государственно-правовая, наследственно-правовая и династическая ситуация стала еще более запутанной. Status quo [23] 1852 года был закреплен в международном масштабе "Лондонским протоколом" великих держав. Король Дании Кристиан IX, нарушив установленную этим международно-правовым документом личную унию между Данией и обоими герцогствами, самовольно упразднил особое положение

герцогства Шлезвиг, находящегося вне пределов Германского союза, и интегрировал его в состав датского королевства. Это дало Бисмарку шанс переместить конфликт вокруг решения германского вопроса на периферию и даже, игнорируя Германский союз, предпринять совместные политические и военные акции с Австрией – со ссылкой на международные гарантии. В ходе войны 1864 года, разыграв закулисное, поистине макиавеллиево действо, мудрый премьер сумел вывести проблему из сферы международной политики и превратить Шлезвиг-Гольштейн в поле столкновения исключительно прусских и австрийских интересов.

В ходе этой чрезвычайно рискованной политической игры Бисмарку пришлось рассчитывать во внутриполитической сфере на оппозицию в лице прусских либералов, упрямую и с недоверием относившуюся к его целям, враждебным Дании. В Германии (вне пределов Пруссии) он опирался на национальное движение, преследовавшее собственные цели, и на стремление большинства немецких земель к объединению обоих герцогств в среднее государство Шлезвиг-Гольштейн под властью герцога из побочной датской династии Августенбургов. На международном уровне – как и в 1848 году, оставалось надеяться на интервенцию со стороны как минимум Великобритании, а как максимум России и, возможно, Франции, в случае военного вторжения Пруссии и Австрии в Ютландию и на острова Дании. Эту игру, которая в конце концов удалась, и не только за счет продуманной тактики, но и за счет крупного везения (отказ Англии и Швеции от военной интервенции, угроза которой была весьма реальной), сам Бисмарк позднее признавал своим наиболее значительным дипломатическим достижением. “Без чуда Божьего игра проиграна, – признавался он в самый разгар кризиса своему другу фон Роону, – и на нас возложат вину и современники, и потомки”. Однако в результате регионально ограниченной кабинетной войны, которая закончилась отделением обоих эльбских герцогств от Дании и Венским миром от 30 октября 1864 года, было совершено нечто “реальное”, чего не удалось добиться национальному движению в 1848 году.

Это чрезвычайно усилило как внутригосударственные, так и международные позиции “министра конфликтов” Бисмарка. В среде представителей либеральной оппозиции раздавались самокритичные голоса, заявлявшие, что Бисмарк как политик значительно превосходит их. Шеф правительства еще раз продемонстрировал взвешенность своей позиции, подобающую государственному деятелю, выступив с осуждением националистской, антидатской статьи в официозной газете

“Норддойче альгемайне цайтунг” от 7 августа 1864 года. Он направил телеграмму со следующим текстом: “После победы недостойно говорить с Данией в раздраженном и враждебном тоне. Борьба велась не из ненависти, а для урегулирования и обороны. Резкость по отношению к Дании не предполагалась, никаких условий в духе высокомерного победителя, который, оскорбляя законные национальные чувства, делает невозможными дальнейшие дружественные отношения. Отторжение герцогств полностью достигнуто. Этого достаточно… У победителя нет никакого повода проявлять или провоцировать ожесточенность”.

Временный характер решения вопроса о Шлезвиге и Гольштинии в пользу двух великих немецких держав – Германский союз в мирном договоре вообще не упоминался – таил в себе опасность конфликта между ними, который мог возникнуть при “окончательном” урегулировании. В последующие месяцы наблюдалось неоднократное обострение и ослабление конфликта, который не замедлил разразиться. Инициатива как в том, так и в другом направлении исходила всякий раз от Бисмарка; действия Австрии носили лишь ответный характер. Эти перипетии были обусловлены, с одной стороны, неясностью в оценках позиции Наполеона III в случае австро-прусской войны. Однако для главы прусского правительства гораздо более важно было как можно дольше оставлять за собой возможность альтернативы в виде дальнейшего среднесрочного соглашения с Габсбургской монархией, в рамках которого Пруссия обещала довольствоваться доминирующей ролью в Северной Германии. В то же время Бисмарк уже в дни кризиса в мае 1865 года безуспешно пытался установить контакт с Баварией как партнером по антиавстрийскому альянсу, с тем чтобы продемонстрировать, что истинной его целью, в том числе и в сфере союзной политики, является “совокупное решение” на мелконемецкой основе. В этот период Бисмарк оказался перед лицом противоречия между принципами прусской великодержавной политики и солидарностью консервативных позиций, занимаемых двумя крупнейшими германскими государствами. Однако он не исключал a limine [24] революционных преобразований европейской политической карты, о чем свидетельствует многозначительное заявление, датируемое августом 1864 года: “Фауст жалуется на то, что в его груди две души; в моей же их таится множество, и они не ладят между собой. Так все происходит, как в какой-нибудь республике… Большинство из того, что они говорят, я могу обнародовать. Но есть целые провинции, в которые я никогда не

смогу допустить ни одного человека”. В августе 1865 года был достигнут компромисс с Австрией, рассчитанный, казалось, на длительный период: была подписана Гаштейнская конвенция, согласно которой обоим партнерам предстояло осуществлять право управления герцогствами: Пруссии в Шлезвиге, а Австрии в Гольштинии.

Однако не позднее февраля 1866 года чаша весов, определявших направленность позиции Бисмарка, окончательно склонилась в пользу применения военной силы против Австрии в самом ближайшем будущем, хотя ему было известно, что предстоящую “братоубийственную войну” принципиально не одобряют ни либералы, ни консерваторы, что она абсолютно непопулярна, даже если параллельно он будет продолжать тактические игры, оставляющие возможность отхода на старые позиции. Политическую подготовку к войне Бисмарк вел по трем направлениям: союз с итальянским королевством с целью вынудить Австрию сражаться на два фронта; контакт с Наполеоном III с тем, чтобы заручиться гарантией нейтралитета Франции на возможно более долгий срок; установление связей с представителями всех национальностей в пределах Австрии и на приграничных с Габсбургской монархией территориях из расчета, что во время войны они смогут создать определенные трудности венскому руководству, а в крайнем случае даже вызвать крушение монархии изнутри и этим способствовать скорейшему окончанию войны. Если первые два направления представляли собой традиционные средства, принятые в европейской политике, то планирование мятежей национал-революционного толка выходило за рамки этой политики, до сих пор соблюдавшиеся Бисмарком. 12 марта 1866 года он напутствовал главу прусского генерального штаба, генерала Гельмута фон Мольтке, отбывавшего во Флоренцию (временно бывшую столицей королевства Италии), так как Рим был занят французскими войсками, охранявшими папу, такими словами: “Условия, сложившиеся в Германии.., после упадка, который пережил в последние годы престиж всех союзных институций, более чем когда-либо нуждаются в обновлении, соответствующем справедливым чаяниям нации… Мы сами, если только более чем столетней давности антагонизм между Пруссией и Австрией когда-либо закончится полюбовной сделкой, не ради себя самих не имеем права удовлетвориться более теми незначительными преимуществами, которые дает простое обладание Эльбскими герцогствами, ибо в перспективе это будет означать только новый ряд постоянных столкновений, прежним бременем ложащихся на наши плечи”.

Непосредственно после заключения 8 апреля 1866 года прусско-итальянского союза (с трехмесячным сроком действия) Бисмарк начал дипломатическое и политическое наступление на Австрию. В тот же день он направил в бундестаг запрос о необходимости “созвать собрание на основе прямых выборов и всеобщего избирательного права для всей нации, с тем чтобы принять и обсудить проекты реформы союзной конституции, предложенные немецкими правительствами”. За этой политико-дипломатической формой крылось не больше и не меньше, как “великая германская революция 1866 года” (Якоб Буркхардт).

Одновременно Бисмарк, двигаясь по пути национал-революционного решения, углубил установленные еще в 1862 году контакты с венгерскими эмигрантами, группировавшимися вокруг Коссута и Клапки. Эмигранты в составе легиона должны были из Силезии продвинуться в Моравию и поднять восстание в Венгрии. Были установлены связи и с чехами в Богемии, и с румынами, и с сербами, которые должны были мобилизовать подданных Габсбургов из числа южных славян. Все эти меры, а также договоренность с Италией о продвижении армии в направлении Вены и через Адриатику в Венгрию должны были способствовать скорейшему принятию решения, которое представлялось Бисмарку безусловно необходимым. Позиция Наполеона в течение долгого времени допускала разночтения, а теперь же он явно склонялся на сторону Австрии. Бисмарк не отваживался рассчитывать на значительные успехи одной лишь прусской армии в ее постреформенном состоянии, ибо во время войны против Дании достижения были не слишком убедительными. 14 июня 1866 года было принято окончательное решение о начале войны против Австрии. Бисмарк еще морально не оправился после покушения, совершенного на него, “наиболее ненавистного человека” Пруссии, демократом Коэн-Блиндом. Премьер-министр заявил английскому посланнику о своей полной неосведомленности относительно исхода событий: “Борьба предстоит тяжелая. Может статься, Пруссия проиграет, но в любом случае, она будет сражаться отважно и с честью… Если нас разобьют, я не вернусь сюда. Я погибну в последней атаке. Умереть можно лишь однажды, и побежденному лучше всего умереть”. Здесь (как и при принятии некоторых других решений), словно внезапное озарение, высветился фридерицианский [25] элемент политики прусского премьера “победа или гибель”, скрытый от глаз в “нормальные” времена. То обстоятельство, что стремление всегда идти ва-банк не стало определяющим началом всей политики Бисмарка, объясняется, безусловно, многогранностью его личности. И не в последнюю очередь тем,

что называется “fortune”. Ему был неведом выбор между тривиальными “за или против”. Слившись воедино, объективные и субъективные факторы обеспечивали именно ту точную меру, то необходимое “количество” успеха, который сопутствовал Бисмарку, они наделили его умением управлять государством и уже к 1866 году вызывали восхищение и друзей, и врагов.

14 июня 1866 года он объявил Германский союз “недействительным”. В результате остальные немецкие государства приняли решение о создании органа союзной исполнительной власти, направленного против правонарушителя – Пруссии. Практически война против Пруссии велась коалицией большинства немецких государств под предводительством Австрии. Бисмарк обратился к немецкому народу, чтобы противостоять тому ужасу перед “братоубийственной войной”, которым была охвачена вся нация: “В течение полувека Германский союз был оплотом не единства, а раздробленности нации, утратил вследствие этого доверие немцев и на международной арене стал свидетельством слабости и бессилия нашего народа. В эти дни Союз собираются использовать для того, чтобы призвать Германию обратить оружие против того из союзников, который внес предложение о формировании германского парламента и тем самым сделал первый и решающий шаг по пути удовлетворения национальных чаяний. У войны против Пруссии, которой так домогалась Австрия, отсутствует союзно-конституционная основа; для нее нет никакой причины и ни малейшего повода”.

Единственное сражение, которое произошло при Кениггреце 3 июля 1866 года, решило исход войны быстрее, чем ожидал Бисмарк, благодаря ярко проявившимся новым тенденциям в прусской армии, и в первую очередь благодаря продуманному руководству Мольтке. До заготовленных предусмотрительным премьером взрывоопасных элементов национал-революционного толка просто не дошла очередь. В предложении о заключении перемирия, последовавшем от австрийской стороны непосредственно после сражения, “министр конфликтов” усмотрел шанс достичь целей, имевших решающее значение для усиления Пруссии. При этом можно было не разжигать пламени национального революционного движения, таящего в себе угрозу существованию общеевропейской государственности. Генерал фон Штош, чрезвычайно критично настроенный по отношению к главе прусского правительства, будучи под глубоким впечатлением от превосходства Бисмарка в этой ситуации, заявил: “Он удивительно ясно и живо изложил требования, которые следовало положить в основу мирного соглашения:

исключение Австрии из состава Германии, объединение Северной Германии, по конфессиональной принадлежности преимущественно протестантской, как начального этапа движения к крупномасштабному единству…

Впервые я наблюдал Бисмарка в личном общении, и охотно признаю, что впечатление, которое он произвел, просто потрясло меня. Ясность и величие его взглядов доставили мне высшее наслаждение; он судил обо всем уверенно и здраво, каждая его мысль свидетельствовала о широте кругозора". В день сражения при Кениггреце лондонская "Тайме" с восхищением сообщала: "Он единственный человек в Германии, который знал, чего хочет; без него стремление немцев, народа морально несмелого, к единству никогда не воплотилось бы в жизнь".

С целью по возможности обезопасить Пруссию от французской интервенции, которой следовало ожидать, Бисмарк, обращаясь к прусскому посланнику в Париже, фон дер Гольцу, подчеркивал: "Наши политические потребности ограничиваются контролем над силами Северной Германии в любой форме… Я без всяких сомнений произношу слова "Северогерманский союз", поскольку, если мы добьемся достаточной консолидации, привлечение немецко-католического баварского элемента станет невозможным. Последний еще долго не согласится добровольно подчиниться власти Берлина".

Жене Бисмарк писал 9 июля 1866 года: "Дела наши идут хорошо, несмотря на Наполеона; если наши притязания не будут преувеличенными и мы не будем считать, что завоевали целый свет, то достигнем мира, который стоит этих усилий. Но мы столь же быстро впадаем в упоение, как и в отчаяние, и у меня неблагодарная задача – охлаждать пыл и напоминать, что в Европе живем не мы одни, а еще три державы, которые ненавидят нас и завидуют нам".

Премьер-министр имел в виду ожесточенные споры, которые происходили между ним и королем относительно продолжения войны или немедленного ее окончания. Лишь ценой чрезвычайных усилий ему удалось с помощью кронпринца, который во внутриполитических столкновениях до сих пор был на стороне противников Бисмарка, вопреки мнению монарха добиться подписания Никольсбургского договора о перемирии от 26 июля 1866 года. Договор оставлял в неприкосновенности положение Австрии как великой державы и открывал Пруссии путь к переустройству Германии без Австрии. О тяжести конфликта свидетельствует запись в дневнике кронпринца от 25 июля: "Король и премьер жестоко повздорили, и возбуждение все еще не спадает. Вчера Бисмарк в моем присутствии плакал из-за

тех резкостей, которые наговорил ему его величество. Мне пришлось успокаивать беднягу, однако он прямо-таки боялся вновь идти к его величеству".

Бисмарку с трудом удалось уклониться от настояний России на созыве международного конгресса в духе Парижской мирной конференции 1856 года, который поставил бы успех Пруссии под сомнение. Однако вмешательство Наполеона III в договоренности, приведшие к заключению окончательного мирного договора в Праге 23 августа 1866 года, "министру конфликтов" пришлось принять как неизбежность. На прусско-французских переговорах в обмен на отказ Пруссии от перехода через Майнскую линию [26] Наполеон III согласился на аннексию Пруссией северогерманских территорий с населением до четырех миллионов человек. Это дало Бисмарку возможность "закруглить" Пруссию вокруг Ганновера, курфюршества Гессенского, Нассау и старинного рейнского города Франкфурта и обеспечить неприкосновенность своих позиций в Северной Германии. Сколь проблематичным ни представлялось бы это решение в аспекте легитимности монархии – в особенности на фоне вызывающей жесткости, как в случае с Франкфуртом – и внутриполитического благоразумия, оно все же было принято. Кроме того, при заключении Пражского мира был упомянут, с оглядкой на Францию, обособленный Южногерманский союз. Он, впрочем, никогда не был создан, ибо Бисмарк воспользовался территориальными притязаниями на западные области Германии, проявившимися в ходе переговоров с французским посланником, и заключил с каждым южногерманским государством в отдельности тайный оборонительный союз. Теперь они были прочно соединены с Пруссией не только экономическими связями (членством в Германском таможенном союзе), но и военными. И, наконец, в статье пятой Пражского мира по настоянию Франции был закреплен принцип, по самой своей сути чуждый как Пруссии, так и Австрии – "свободное определение населения северных районов Шлезвига" в вопросе возможного присоединения их к Дании.

Бисмарк полностью отдавал себе отчет в том, что отныне, после Кениггреца, любое из принимаемых им решений будет иметь европейские масштабы. Теперь его деятельность была нацелена не меньше чем "на превращение Германии из сферы нейтрализации властных интересов крупных и мелких немецких государств в духе Германского союза в центр осуществления державной концепции, влияние которого при необходимости может простираться далеко за его пределы, будучи усиленным в результате индустриализации и увеличения плотности

населения” (Т.Шидер). Бисмарк в то время, казалось, еще не вполне осмысливал эти последствия. Скорее, он считал, что можно проводить обустройство этого нового центра в рамках европейской системы распределения власти, лишь пересмотренной, но не подвергнутой каким-либо революционным преобразованиям, в полном согласии с прочими великими державами. Нужно только продвигаться вперед с осторожностью и поначалу не пересекать Майнской линии в южном направлении.

Основанный в 1867 году Северогерманский союз, союзное государственное образование под прусской гегемонией, в качественном отношении представлял собой нечто большее, чем просто расширенный вариант Пруссии. Скорее, речь шла о новой крупной германской державе, имеющей притязания на статус национального государства. Во внутрисоюзной политике Бисмарк во многом пошел навстречу либералам. С большей их частью в Пруссии (теперь это были так называемые “национал-либералы”) после кениггрецкого триумфа премьер заключил компромисс (компенсация за правление в отсутствие бюджета в предыдущие годы). Прежде всего это был рейхстаг, сформированный на основе всеобщего равного избирательного права, в котором национал-либералы, как и ожидалось, получили большинство. Структура союза – во главе его стоял король Пруссии и союзный канцлер (Бисмарк), являющийся единственным “ответственным” министром – с самого начала была рассчитана на последующее привлечение суверенных южногерманских государств. На настояния либералов, требовавших по возможности немедленного завершения объединения Германии, освободившейся от своей австрийской части, Бисмарк ответил призывами к терпению, ссылаясь на расстановку сил в Европе. Майнская линия не “стена”, “а идеальная граница – если продолжать выражаться иносказательно – это в известной степени решетка.., сквозь которую национальный поток прокладывает себе путь”.

Однако фаза консолидации представлялась Бисмарку необходимой и по внутриполитическим соображениям. “От гладкого разрешения северогерманского вопроса в соответствии с нашим замыслом зависит.., в существенной степени присоединение Южной Германии; Северогерманский союз, в котором царит разлад, не имеет шансов привлечь к себе юг”, – так объяснил Бисмарк причины своей выжидательной позиции в послании кронпринцу от 3 февраля 1867 года. Прусских консерваторов, за исключением одной группировки (“свободные консерваторы”), не вдохновляли ни внешнеполитические акции Бисмарка (создание Северогерманского союза и аннексия

Ганновера, Гессеиа и т.д.), ни его внутренняя политика, ориентированная на компромиссы. Консерваторы, будучи упорными приверженцами старопрусских легитимистских взглядов, открыто выступили против союзного канцлера. Это можно было предвидеть уже в ходе дебатов в прусской палате депутатов вокруг предложения об индемнитете [27], каковое было принято 3 сентября 1866 года за счет голосов национал-либералов и “свободных консерваторов” (а также частично партии католического центра). Испросив задним числом одобрения ассигнований, затраченных на военную реформу, Бисмарк тем самым принципиально признал за парламентом право на утверждение бюджета и продемонстрировал свою приверженность концепции конституционной монархии прусского образца, в противоположность свойственной консерваторам тенденции “завершить” победу над Австрией посредством возрождения в Пруссии доконституциоиного порядка. Позицию своих прежних друзей-консерваторов Бисмарк прокомментировал едким замечанием: “Людям нечем заняться, они ничего не видят дальше собственного носа и упражняются в плавании в бурных волнах пустословия. С врагами можно справиться, но друзья! Они носят шоры и видят только клочок мира”. И далее: "Заблуждается тот, кто оценивает меня с точки зрения оппозиции образца 1848 года. Придерживаясь взглядов “Кройццайтунг”, править невозможно”.

***

Заручившись поддержкой национал-либералов и с их помощью получив возможность заняться “строительством” Северогерманского союза, Бисмарк достиг важной цели, к которой шел, начиная с 1882 года: объединения прусской военно-бюрократической государственности с немецким национальным движением. Несмотря на то, что руководящая роль Бисмарка в этом “объединении” была бесспорной, поле его внешнеполитической деятельности было ограниченным, что проявилось уже в ходе люксембургского кризиса 1867 года. Конституция Северогерманского союза также была отмечена явным налетом либерализма, даже если “прорыв” к парламентарной монархии и был “заблокирован” Бисмарком – как тогда считали либералы, лишь временно. Рискованный “образ”, который Бисмарк употребил на заключительных слушаниях по конституции Северогерманского союза 11 марта 1867 года, был воспринят как шанс для продолжения

либерализации в будущем: “Господа, будем работать быстро! Поможем Германии, так сказать, взобраться в седло! Уж поскакать-то она сможет”.

На дотацию в размере 400 000 талеров, предоставленную палатой депутатов Пруссии в качестве благодарности за победу над Австрией, Бисмарк в 1867 году приобрел поместье Варцин в округе Руммельсбург. Туда входило 22500 моргенов земли, из них более половины занимали леса. Книпхоф он продал. В последующие годы Бисмарк нередко приезжал в Варцин из Берлина – как правило, на несколько месяцев (“Здесь меня не настигнет курьер с депешей”).

Кризис вокруг Люксембурга (он входил в Германский союз, но не стал членом Северогерманского) был вызван стремлением Наполеона III, чья неудачная политика во время австро-прусской войны подвергалась во Франции все большей критике, задним числом получить компенсацию за столь значительное усиление мощи Пруссии. Как уже отмечалось, кризис выявил пределы, установленные Бисмарку немецким национальным движением. Шанс совершить “сделку на взаимовыгодных условиях” и покупку Францией Люксембурга “уравновесить” переходом Пруссии через Майнскую линию отпал после того, как об этом стало известно. В Германии стали раздаваться протесты, имеющие национальную окраску. Обнародование оборонительных договоров с южногерманскими государствами теперь открывало иные возможности для привлечения их к Северогерманскому союзу. Возрождение Германского таможенного союза, в рамках которого было предусмотрено существование политических институций, и прежде всего Германского таможенного парламента, казалось, способствовало укреплению не только военных, но и экономических связей Севера и Юга. Однако выборы в таможенный парламент весной 1868 года явились существенным шагом назад с точки зрения немецкой национальной идеи. Среди вновь избранных депутатов южнонемецких государств большинство составили противники мелконемецкого решения.

***

Исходя из подобных предпосылок, Бисмарк приготовился к неспешному развитию событий. В мае 1868 года он заявлял: “Все мы носим в сердце идею национального единения, однако для расчетливого политика на первом месте всегда необходимое, а уже потом желательное, то есть вначале оборудование дома, а только потом его расширение. Если Германия реализует свои

национальные устремления до окончания девятнадцатого века, я сочту это величайшим событием, а случись то же самое через десять или даже пять лет – это было бы нечто из ряда вон выходящее, неожиданная милость божья". Еще более отчетливо позиция союзного канцлера была выражена в указаниях, которые он давал посланнику северогерманского союза в Мюнхене 26 февраля 1869 года: "То, что немецкому единству способствовали бы некие события, происходящие как следствие определенных намерений, я считаю вполне вероятным. Однако совсем другой вопрос – это умение намеренно вызвать катастрофу и ответственность за выбор момента для нее. Следствием произвольного вмешательства в ход истории, основанного на одном лишь субъективном подходе, всегда были незрелые плоды; а то обстоятельство, что немецкое единство в данный момент не является зрелым плодом, по моему мнению, бросается в глаза… За шумной суетой, с которой люди ищут вне пределов вещественного философский камень, способный немедленно установить единство немцев, скрывается, как правило, незнание реалий действительности и их последствий, что свидетельствует о неглубоком уме и духовном бессилии… Мы можем перевести часы, но время от этого не пойдет быстрее, а умение выжидать, наблюдая развитие событий, является предпосылкой практической политики". 16 апреля 1869 года Бисмарк заявил в Северогерманском рейхстаге: "Мы не можем делать историю, а можем только ждать, пока она совершится. Мы не можем ускорить созревание плодов, поместив под ними лампу, а если мы замахнемся на незрелые плоды, то воспрепятствуем росту и погубим их". Еще 24 февраля 1870 года Бисмарк отклонил в рейхстаге предложение о немедленном включении в Северогерманский союз по крайней мере Бадена. "Мы не сделаем ничего хорошего, исключив элемент, наиболее благотворно влияющий на национальное развитие на Юге, и отделив его барьером, как если бы мы сняли сверху сливки и предоставили оставшемуся молоку скисать". Он стремился к объединению с Южной Германией в целом, "но совершенно добровольно, без угрозы, без принуждения, без нажима".

Несмотря на то, что перед лицом шумного натиска национал-либералов Бисмарк снова и снова призывал к благоразумию и терпению, сам он в этот период – вследствие внутреннего беспокойства – был зачастую раздражен, постоянно ощущал недомогание и находился в напряженных отношениях даже с королем Вильгельмом. Однако прошение Бисмарка об отставке король отклонил со следующим обоснованием: "Ваше имя в истории Пруссии стоит выше, чем имя любого другого

государственного деятеля. И его я должен потерять? Никогда!"

***

И все же, вопреки ожиданиям, германский вопрос был решен быстро, гордиев узел был разрублен военным путем. Это явилось следствием чисто династической ситуации, международные последствия развития которой до начала июля 1870 года трудно было предугадать. К тому же Бисмарк активно вмешался в происходящее лишь весной 1870 года. Выдвижение на испанский престол принца Леопольда, представителя южногерманской католической линии Гогенцоллернов, Бисмарк рассматривал как возможность отвлечь внимание внешнеполитического ведомства французской империи, в начале 1870 года превратившейся в “Empire liberal”, от германской сцены. Однако что касается конкретного решения, то в течение долгого времени царила неопределенность. После оглашения кандидатуры 3 июля 1870 года французская общественность разразилась бурей протеста, рисуя образ империи Гогенцоллернов, охватывающей со всех сторон Францию аналогично империи Карла V. В этой ситуации правительство Оливье (Ollivier) не только не удовлетворилось немедленным отказом Леопольда от трона, но и сочло необходимым перейти в политическое наступление, которое приняло неприемлемую для Пруссии форму. 13 июля в Бад-Эмсе французский посол Бенедетти передал королю Вильгельму требование гарантий отказа монарха от кандидатуры принца “на все времена”. Король направил Бисмарку подробную депешу с несколько пространным сообщением о беседе, состоявшейся на променаде курорта Бад-Эмс. Однако союзный канцлер сократил ее до такой степени, что создалось впечатление совершенно сознательного вызова Пруссии, брошенного французским правительством. По всей Германии поднялась волна национального возмущения, в том числе и в южногерманских государствах. В свою очередь, “ответ” Франции – объявление Пруссии войны, последовавшее 19 июля 1870 года, – для правительств южногерманских государств представлял собой прецедент, предусмотренный условиями оборонительного союза. Кроме того, в условиях подъема национального движения едва ли было возможно неучастие какого-либо из государств. Например, Пруссии, где деятельность “партии патриотов” была направлена против мелконемецкого решения. Нейтралитет России был гарантирован. Царская империя, проявляя явную доброжелательность к Пруссии, предприняла сдерживающий

маневр против Австрии и выдвинула свои войска на границу с Галицией. Британскую общественность Бисмарк настроил в духе симпатии и нейтральной позиции Англии по отношению к прусской Германии тем, что передал в “Тайме” документы, свидетельствующие о притязаниях Франции на Бельгию, которые проявились в ходе франко-прусских переговоров в июле-августе 1866 года. Несмотря на боевые успехи прусских и южнонемецких войск и последовавшую 2 сентября 1870 года капитуляцию одной из двух французских армий, столь желанный сценарий а 1а Кениггрец (когда исход войны решился в единственном крупном сражении) не повторился. После того как Бисмарк отклонил “ничей” мир на основе территориальной неприкосновенности Франции и признания объединения всей Германии (за исключением Австрии) под эгидой Пруссии, Французская республика, провозглашенная 4 сентября, продолжила войну с усиленной энергией.

Несмотря на взрыв национальных восторгов (уже после первых побед, одержанных в боях на приграничных территориях), Бисмарк сохранял трезвость духа и 2 августа 1870 года писал жене из Майнца: “Ликование народных масс на вокзалах было оглушающим, мне кажется, слишком сильным для нынешнего дня. Они должны что-то оставить и на после победы, которую Бог нам дарует”. Однако уже в начале августа 1870 года он присоединился к требованию, выдвинутому общественностью Германии, об отделении Эльзаса и части Лотарингии от Франции, хоть и по иным, в отличие от общественного мнения, не национальным, мотивам. Если не учитывать причин стратегического характера, постоянство Бисмарка в вопросе аннексий объяснялось в первую очередь его концепцией модификации европейского равновесия (достижимой только посредством стойкого ослабления Франции и выравнивания численности французов и немцев). Зима 1870-1871 гг, показалась Бисмарку бесконечной. Не удалось преодолеть сопротивление Мольтке в вопросе обстрела осажденного Парижа с целью ускорить события. Союзный канцлер временами говорил о “французском национальном характере” и свойственной французам “жажде власти”, в силу чего необходим мир на жестких условиях. Казалось, будто Бисмарк стал приверженцем теории “кровной вражды”. В инструкциях, направленных прусскому посланнику в Петербурге 25 августа 1870 года, он заметил, что “склонность Франции к мести останется прежней, независимо от того, лишится она провинций или нет”. Однако наиболее существенным было то, что он заявил в циркулярных депешах от 13 и 16 сентября 1870 года, направленных

представительствам Северогерманского союза в важнейших европейских столицах, о необходимости установления более правильных границ и завоевания крепостей, “которыми угрожает нам Франция”: “Затрудняя наступление для Франции, чья инициатива всегда приводила к возникновению нестабильности в Европе, мы действуем одновременно и в европейских интересах, то есть в интересах мира”. Биограф Л. Галл так характеризует действия Бисмарка в данной ситуации: “В основу этого расчета, учитывающего одновременно и политические, и государственные цели, было положено существующее соотношение сил и интересов. Кроме того, Бисмарк был убежден, что главы крупных государств будут руководствоваться исключительно интересами реальной власти, что и в будущем идея государственного резона восторжествует над всеми прочими политическими мотивами”.

Между тем, то, что на взгляд Бисмарка было “корректировкой” в пользу “истинного” баланса сил в Европе, с британской точки зрения представляло собой угрозу для него, если вообще не ниспровержение европейского равновесия. Это убедительно изложил лидер консервативной оппозиции Дизраэли 2 февраля 1871 года в палате общин, разумеется, в первую очередь как предупреждение, адресованное либеральному правительству Глэдстона, пассивно взиравшему на изменения, происходившие в Европе. Передислокация власти в Центральной Европе – это не что иное, как “немецкая революция”, “политическое событие более значительное, чем Французская революция прошлого столетия”. Европейское равновесие полностью “разрушено”, а Англия в наибольшей степени ощутит последствия этих важных изменений. Основание империи произошло – и это продемонстрировал не в последнюю очередь сигнал тревоги, поданный Дизраэли – “в последний момент” (Э.Верхау), “под прицелом всей Европы”, как признал сам Бисмарк.

Уже несколько месяцев спустя после окончания войны, в августе 1871 года Бисмарк заявил поверенному в делах Франции в Берлине: “Если рассчитывать на длительный мир, то мы совершили ошибку, забрав их (Эльзас и Лотарингию) у Вас; поскольку эти провинции представляют для нас неудобство… Польша, а позади нее Франция”. Однако общая оценка Бисмарком этой “ошибки”, с его точки зрения неизбежной в интересах стабилизации положения империи в Центральной Европе, не изменилась. Вследствие этого широта внешнеполитического маневра Германской империи с самого начала была ограничена в значительно большей степени, чем для Пруссии в период с 1862 по 1871 год. В сложившуюся картину союзный канцлер не мог

внести никаких принципиальных изменений.

Трудности политического характера, с которыми Бисмарк столкнулся на международной арене уже во время войны 1870-1871 гг., были гораздо более значительными, чем те, что ему приходилось преодолевать в ходе недолгой летней кампании 1866 года в Богемии. Лишь затянувшееся до марта 1871 года урегулирование конфликта между Россией и Великобританией из-за оскорбительных статей Парижского мира 1856 года, касающихся Черного моря, дало, наконец, возможность решить исход войны. Франкфуртский мир 1871 года, жесткий, но сохранивший положение Франции как великой державы, был заключен на двухсторонней основе. Это случилось после того, как Бисмарку удалось убедить короля в ошибочности предложения Мольтке, который после “войны на уничтожение” стремился к “карфагенскому” миру, и в правильности своей позиции. Этим глава союзного правительства утвердил примат политики в противовес военной стратегии.

В записную книжку периода войны 1870-1871 гг. Бисмарк внес девиз: “Fert unda nec regi-tur”, который позднее сам перевел по смыслу:

"Человек не может создать и направлять поток времени, он может только двигаться по нему и держать курс”. Такой перевод не мешал ему добиваться принятия изобретательных и даже хитроумных решений. Это не в меньшей степени касалось и основания империи.

Дипломатические переговоры с южногерманскими государствами состоялись осенью 1870 года. Ход переговоров был осложнен. Результатом явились соглашения о вхождении в Северогерманский союз, то есть основание империи. Бисмарку пришлось применить отчасти сомнительные средства, и прежде всего для того, чтобы побудить к “приходу” наиболее сложного партнера, Баварию. Наряду с тем, что Бавария и Вюртемберг претендовали на привилегии, для Бисмарка (но не для Вильгельма I) было желательно определенное содействие северогерманского парламента. Однако инициатива провозглашения императора – как в 1849 году – не должна была исходить от парламента, поэтому вопрос об императоре представлял собой сложный комплекс проблем в двух отношениях. Во-первых, Вильгельм I, не ставший “императором Германии”, что было невозможно по соображениям суверенитета прочих германских монархов, вообще отказывался принимать императорский титул. Бисмарку на вопрос о титуле было “наплевать”. Он выбрал название “империя” из соображений не традиционности, а целесообразности, поскольку имел

обыкновение все крупные государства называть “империями”. Не был важен и вопрос о флаге: “По мне, так желтый и зеленый – и потом танцы, или опять же флаг Мекленбург-Стрелица. Только о черно-красно-желтом прусский служивый не желает слышать”.

Еще сложнее обстояло дело со второй стороной вопроса об императоре. Ситуация складывалась таким образом, что предложение Вильгельму I о принятии императорского титула безусловно должно было исходить от короля Баварии Людвига II. Как стало известно лишь после второй мировой войны (в 1968 году), потребовалось своего рода пенсионное обеспечение в сумме 5,2 миллиона марок золотом (в виде ежегодных выплат в размере 300 000 марок золотом) из “Фонда Вельфов”, образованного на базе состояния свергнутого короля Георга V Ганноверского, чтобы побудить Людвига II 5 декабря 1870 года отправить составленное Бисмарком и доставленное графом Хольнштайном “Императорское письмо” и обеспечить провозглашение императора. 23 ноября 1870 года, когда основной договор между Северогерманским союзом и Баварией был подписан, Бисмарк заявил: “Немецкое единство искусственное и император тоже… Газеты не будут удовлетворены, и тому, кто станет самым заурядным образом писать историю, будет в чем упрекнуть наше соглашение… Договор имеет свои изъяны, но так он крепче. То, чего не хватает сейчас, придет со временем”. Провозглашение императора в Версальском дворце 18 января 1871 года в той форме, в какой оно происходило, было выражением осознания власти. За тем обстоятельством, что церемония происходила на территории почти побежденной Франции, тогда никто не разглядел проблему, которая будет иметь далеко идущие последствия для отношений вновь образованной Германской империи с Францией и существенно осложнит жизнь обеих наций. Одновременно были продемонстрированы военно-политические решения, которые привели к этому событию. Представители рейхстага участия не принимали. “Прусский премьер-министр взошел на ступени сцены, на которой стояли немецкие князья. На нем синий мундир магдебургских кирасир и знак различия генерал-лейтенанта, звание которого было ему присвоено в этот же день, сверху оранжевая лента ордена Черного орла, а также высокие сапоги для верховой езды. Левой рукой он охватывал острую верхушку кирасирского шлема, а в правой держал пергаментную грамоту, которую развернул, отвесив глубокий поклон своему королю” (Е.Дойерлейн). Бисмарк произнес вслух составленный им текст провозглашения Вильгельма I императором. Текст заканчивался заявлением о том, что король принял императорский титул,

отдавая себе отчет в обязанности “сохранять мир и защищать независимость Германии, опираясь на объединенные силы своего народа. Нам же и Нашим Преемникам, увенчанным императорской короной, да ниспошлет Господь быть во все времена приумножителем Германской империи, не за счет военных завоеваний, а за счет благ и даров мира в сфере национального блага, свободы и нравственности”.

Несколько дней спустя, 24 января 1871 года, Бисмарк в письме жене признавался: “Эти императорские роды были трудными, и в такие времена у королей бывают удивительные прихоти, словно у женщин, прежде чем они отдадут миру то, чего и так не могут удержать. Я в своей роли акушера не раз имел настоятельное желание стать бомбой и взорваться, чтобы все сооружение превратилось в развалины. Нужные дела мало утомляют меня, а ненужные ожесточают”.

21 марта 1871 года в Белом зале королевского дворца в Берлине император Вильгельм I выступил на первом заседании Германского рейхстага, которое по окончании тронной речи Бисмарк объявил открытым. В тот же день премьеру был присвоен титул наследного князя. Вильгельм отдал распоряжение об отчуждении от земель герцогства Лауэнбург (в 1864 году он по условиям Венского мира с Данией стал герцогом Лауэнбургским) “Саксонского леса” к востоку от Гамбурга (25000 моргенов леса и 2000 моргенов лугов) и подарил его новоявленному князю в знак благодарности за создание Германской империи. Бисмарк сразу же был совершенно очарован “идеалом моих мечтаний”, и Фридрихсру, наряду с Варцином, стал местом, куда он все чаще удалялся в течение двух последующих десятилетий. Там владелец имения переносил свои многочисленные болезни, вызванные причинами физического, психологического, да и “дипломатического” свойства. Созданием конституции Германской империи 16 апреля 1871 года – она представляла собой лишь модифицированную, но не претерпевшую существенных изменений конституцию Северогерманского союза – акт основания империи был завершен. Теперь Бисмарк носит титул имперского канцлера, будучи единственным ответственным министром империи с функциями премьер-министра и министра иностранных дел союзного государства Пруссии.

БИСМАРК НА ПОСТУ ИМПЕРСКОГО КАНЦЛЕРА (1871-1890): КОНСОЛИДАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И СОХРАНЕНИЕ ЕЕ СТАТУСА ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Подобно периоду 1862-1871 годов, два десятилетия, проведенных Бисмарком на посту имперского канцлера, представляются историку как единое целое. Внешне– и внутриполитическая деятельность канцлера в течение всего этого времени была подчинена единственной идее: консолидации и сохранению достигнутого как во внутренних, так и во внешних делах. В отличие от прошлых лет, центральное положение Бисмарка в институте власти теперь, после образования империи, производило на непосвященного, особенно при ретроспективном взгляде, мнимое впечатление абсолютной самоуспокоенности. Это впечатление было настолько сильным, что имперского канцлера были склонны считать диктатором и подвергали довольно резкой критике. Кроме того, соединение революционного и традиционного, свойственное его политической концепции, в отдельных чертах напоминало политику Наполеона III. Поэтому, желая дать оценку выдающегося положения Бисмарка, одни историки ссылаются на теоретическую работу Карла Маркса “18-е брюмера Луи Бонапарта” (1852 г .) и говорят о его “бонапартизме”, другие же – о его “цезаризме”. Между тем один только намек на зависимость Бисмарка от своего монарха уже должен был бы исключить подобные сравнения и вытекающие из них ассоциации. Вильгельм I, даже несмотря на постоянные в период до 1879 года конфликты со своим канцлером; никогда бы не решился согласиться на отставку Бисмарка. Однако в 1871 году невозможно было предположить, что первому императору отпущен столь долгий срок жизни и он умрет лишь в 1898 году в возрасте 92 лет. В пределах династии Гогенцоллернов после эпизода 99-дневного пребывания у власти смертельно больного Фридриха III трон перейдет к Вильгельму II, то есть фактически выпадет из игры одно поколение. Не было тайной, что кронпринц Фридрих Вильгельм, руководствуясь соображениями личного и

политического характера, был полон решимости отправить Бисмарка в отставку, как только взойдет на трон (в качестве преемника был заготовлен адмирал фон Штош, фаворит принца). Никакое “большинство” в рейхстаге, и никакая популярность основателя империи не смогли бы воспрепятствовать подобной замене в семидесятые годы или в начале восьмидесятых.

В период 1878-1879 гг, внешне– и внутриполитическая концепция Бисмарка претерпела глубокие изменения, что дало историкам основание считать этот поворот в сторону консерватизма “вторым основанием империи”. Однако два десятилетия, с 1871 по 1890 год, представляют собой отдельную эпоху. Сам Бисмарк считал, что его основная задача как имперского канцлера состоит в постоянной защите Германской империи от опасности извне. Соответственно, и внутриполитические конфликты он оценивал в основном применительно к сфере внешней политики, то есть к возможной угрозе империи со стороны международных революционных движений. Таким образом, внешнеполитический аспект должен превалировать над внутриполитическим, причем особо выделяется связующее звено между обоими – сохранение политических и властных позиций империи и ее специфического социального и конституционного устройства везде, где это представлялось рациональным. При этом Бисмарк обладал чрезвычайно большой виртуозностью в применении в том числе и “не праведных” средств для претворения в жизнь своих политических устремлений. Наиболее часто употребляемы были кампании различного рода в прессе и использование посредников, в том числе Герсона фон Бляйхредера, роль которого выходила далеко за пределы обязанностей личного банкира Бисмарка.

Восстание Парижской коммуны весной 1871 года, которое повсюду в Европе было воспринято как “зарница” социальных революций, помогло Бисмарку убедить Европу в опасности, уже не в первый раз после 1789 года исходящей из Франции, и в необходимости объединения всех консервативных сил перед лицом грядущих революционных потрясений. Кроме того, канцлер смог заставить недоверчивые европейские державы (в первую очередь Россию и Австро-Венгрию), с опаской ожидавшие разрастания прусской экспансии (под национальным и имперским лозунгами) поверить его заявлениям о том, что империя “насытилась”. При этом поначалу он стремился к восстановлению более тесной политической и идеологической связи между бывшими партнерами по Священному союзу (что и удалось сделать посредством образования Союза грех

императоров в 1873 году) с тем, чтобы удержать республиканскую Францию в политической изоляции. Однако Бисмарк не хотел ввергать империю в жесткие рамки союзной “системы”, а стремился оставить за собой свободу маневра и между Англией и Россией, и между Россией и Габсбургской монархией, а в первую очередь не дать увлечь себя в сторону “выбора” в пользу одного союза в ущерб другому.

Возрождение военной мощи Франции, совершившееся неожиданно быстро после досрочной выплаты контрибуций и последовавшего за этим вывода германских войск из Восточной Франции в 1873 году, имперский канцлер рассчитывал сдержать с помощью грозных жестов. Однако кризис “войны в пределах видимости” весной 1875 года (так называлась инспирированная Бисмарком статья в берлинской газете “Пост”) убедил его в том, что идеологического “клея” между тремя восточными державами недостаточно для устранения властного соперничества, что уже одна только угроза превентивной войны против Франции заставила активизироваться как Англию, так и Россию. Было совершенно очевидно, что любая новая попытка насильственными методами изменить ситуацию в Европе в пользу Пруссии-Германии с точки зрения обеих фланговых держав представляла собой угрозу установления полной гегемонии Германской империи на европейском континенте и могла бы стать причиной войны европейского масштаба, то есть, по мнению Бисмарка, жизненно опасной для империи войны на два фронта. Наконец-то было недвусмысленно продемонстрировано, что достижения 1871 года – это наибольшее, что были готовы признать прочие европейские державы.

Перемещение сферы интересов других держав от Центральной Европы на периферию, на Балканы (в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине летом 1875 года, затем еще в большей степени с началом русско-турецкой войны в апреле 1877 года) вначале побудило Бисмарка еще больше дистанцироваться от тесных связей с другими государствами. Впрочем, подобная политика “развязанных рук” отражала дилемму, которая являлась следствием проблемы “выбора”. Послу в Петербурге фон Швайницу, сторонникy русско-германского союза, канцлер объяснял эту дилемму следующим образом: “Нашим интересам никак не может соответствовать, если в результате объединения всех прочих европейских государств и неуспеха русского оружия властным позициям России постоянно будет наноситься значительный ущерб. Однако интересы Германии будут задеты столь же глубоко, если в случае угрозы существованию австрийской монархии как европейской державы или же ее

независимости возникнет опасность выпадения в будущем одного из факторов, на который мы рассчитываем в деле поддержания европейского равновесия". Империи пришлось принять активное участие в сохранении Австро-Венгрии; на заседании правления рейхстага 1 декабря 1876 года Бисмарк подчеркнул, что империя не потерпит распада страны.

Однако конфликт на юго-востоке Европы отнюдь не обострил ситуацию, а поначалу принес империи явную разрядку. Бисмарк в своем "Киссингском диктате" от 15 июня 1877 года привел проект своего рода идеальной расстановки сил в Европе, которая хоть и не отменяла постоянно внушавшего ему беспокойство "cauchemar des coalitions" [28], но уменьшало его. Канцлеру представлялась "картина" "общей политической ситуации", "в которой все державы, за исключением Франции, нуждаются в нас и по возможности воздерживаются от коалиций против нас, основанных на их связях друг с другом". Впрочем, в реальности такого распределения никогда не существовало. Бисмарк не сумел занять столь желанной позиции "свободной середины". Это выявили ход и результаты Берлинского конгресса (июнь/июль 1878 года), на который Бисмарк, в виде исключения преодолев свое отвращение к международным конгрессам, пригласил державы, втянутые в балканский конфликт: Великобританию, Россию, Австро-Венгрию, Турцию, а также Францию и Италию. Свою явную антипатию к европейскому конгрессу он откровенно выразил в Варцинском диктате от 9 ноября 1876 года: "Я постоянно слышал слово «Европа» из уст тех политиков, которые просили у других держав то, что не осмеливались требовать от собственного имени; например, западные державы во время Крымской войны и польского кризиса 1863 года, например, Тьер осенью 1870 года и граф Бейст, который выразил крах своих попыток создания коалиции против нас такими словами: «Je ne vois plus 1'Europa» [29]. В данном случае Россия, как и Англия, поочередно пытаются впрячь нас, то есть европейцев, в телегу своей политики, тащить которую мы, немцы (да они и сами это признают) не считаем подходящим для себя занятием".

В большой речи, произнесенной в рейхстаге 19 февраля 1878 года, он откровенно высказался об изменениях в своем отношении к идее конгресса: Германия не станет соревноваться с Наполеоном III "в стремлении стать если не третейским судьей, то по крайней мере наставником в Европе". "Содействие миру я не мыслю таким образом, чтобы мы в случае расхождения мнений изображали третейского судью и говорили:

"Должно быть так, и за этим стоит мощь Германской империи". Я мыслю его скромнее ..скорее как посредничество

честного маклера, который действительно хочет совершить сделку.., я льщу себе.., что при известных обстоятельствах мы можем с таким же успехом быть доверенным лицом между Англией и Россией, как уверен в том, что мы являемся им и между Россией и Австрией, если они сами не смогут договориться". Однако и в ходе конгресса, и в еще большей степени в последовавшие за ним недели выявилось, что Россия, которой в сложившихся обстоятельствах для поддержания мира и восстановления крайне неустойчивого равновесия в Юго-Восточной Европе пришлось пойти на уступки, обвинила в них Бисмарка, так что в русско-германских отношениях наступил глубокий кризис. В то же время канцлеру удалось на Берлинском конгрессе убедить Англию (и за ней Францию) в бескорыстии своей "маклерской" деятельности. Наиболее сильное впечатление Бисмарк произвел на прежде относившегося к нему с недоверием британского премьер-министра Дизраэли. Впрочем, интерес британца был взаимным ("Этот старый еврей, вот это человек", – говорил канцлер). С внутриполитическим соперником Дизраэли, лидером либералов Глэдстоном, прусского министра не связывали подобные отношения, отмеченные взаимным уважением. Выпячивание роли морали в политике, свойственное, как насмешливо называл его Бисмарк, "профессору" Глэдстону, было диаметрально противоположно "реальной политике" канцлера.

Лишь после Берлинского конгресса – таким резюме была ознаменована эта новая точка отсчета – Бисмарк получил признание как крупный европейский государственный деятель, отныне он перестал вызывать опасения, считаясь просто динамичным политиком, "последнюю" цель которого предугадать невозможно и который озабочен только интересами Пруссии и Германии. Впрочем, мир в Европе, служащий интересам сохранения Германской империи, основывался, по мнению Бисмарка, несмотря на любые индивидуальные конфликты, исключительно на продолжении кооперации великих держав: средние и мелкие государства, как и "внегосударственные" национальности были и оставались для него всего лишь "объектами" политики. "Держать восточный гнойник открытым" – столь грубая формулировка демонстрирует pars pro toto [30] его отношение к таким "объектам" "большой политики".

Берлинский конгресс также представлял собой поворотный момент и во внешней политике Бисмарка, поскольку теперь он был убежден в необходимости создания союзной структуры, сконцентрированной вокруг Германии.

Проблема "выбора" больше не допускала отсрочек. Однако

Бисмарк сумел затянуть решение о союзе (союз поначалу задумывался как довольно представительный, включающий в себя в том числе и экономическое объединение “Центральная Европа”, но затем по инициативе австро-венгерской стороны был ограничен рамками оборонительного союза антироссийской направленности) с двойственной монархией до тех пор, пока не стало ясно, что и Россия пойдет на новое сближение с Германской империей, что и осуществилось в 1881 году в виде (тайного) Союза трех императоров (с включением Австро-Венгрии). На предварительных переговорах Бисмарк заявил чрезвычайному посланнику России Сабурову:

"Поверьте мне, не в Ваших интересах сеять раздор между Германией и Австрией. Вы слишком часто недооцениваете, как важно находиться на шахматной доске Европы втроем. Для старых кабинетов, и прежде всего для моего, эта цель неизменна. Всю политику можно свести к формуле: попытайся держаться втроем, пока сомнительным равновесием распоряжаются пять великих держав. Вот настоящая гарантия против коалиций”. Напряженность в отношениях между Францией и Италией, возникшая в связи с захватом Туниса, дала возможность привлечь и эту страну к австро-венгерскому объединению и в 1882 году заключить с ним оборонительный Тройственный союз, направленный против Франции.

Достигнутая таким образом благоприятная расстановка центрально-европейских сил позволила Бисмарку перешагнуть “предел”, который он сам установил и до сих пор строго соблюдал. Он считал Германскую империю исключительно европейской великой державой и даже очень существенные торговые интересы за океаном не оправдывали в его глазах захвата колоний. Канцлер преодолел свое предубеждение по внутриполитическим соображениям – для того чтобы наметить нации новые цели после уже ставшего привычной реальностью создания империи, чтобы с помощью ходкого лозунга обеспечить правительственным партиям доступ на выборы в рейхстаг и вернуть большинство, потерянное в 1881 году, но фактически необходимое по соображениям бюджета. Еще более значим был внешнеполитический расчет Бисмарка. В процессе сближения с Францией на арене колониальной политики и “создания фронта” против Англии, можно было гарантировать связи Германской империи с Россией, имеющие, по мнению Бисмарка, первостепенное значение после ожидавшейся в тот период смены монарха, в результате которой власть должна была перейти к кронпринцу, настроенному пробритански. В действительности захват колоний в Африке (Юго-Западная Африка, Камерун, Того,

Восточная Африка) и в морях южного полушария совершился в условиях столкновений с Англией, точно так же, как во всех международных конфликтах (вокруг Афганистана, Египта и т.д.). На этом этапе (до 1885 года) Бисмарк в общем занимал позицию в пользу России и Франции. Так, в январе 1885 года Бисмарк заявил: “Египет как таковой не представляет большого интереса, решающим является для нас манипулирование европейским равновесием в том смысле, в каком это соответствует нашему сегодняшнему пониманию собственных интересов… Египетский вопрос представляет для нас необходимое поле для политических операций, но не объект таковых”.

Однако восточный кризис, разразившийся в середине 1885 года вокруг Болгарии и совпавший по времени с сильными реваншистскими тенденциями во Франции, очень быстро привел к тому, что внешнеполитические интересы канцлера вновь сконцентрировались на континенте. В ситуации, претерпевшей столь значительные изменения, в 1888 году прозвучали известные слова Бисмарка в адрес исследователя Африки Ойгена Вольфа. Они объясняют – пожалуй, слишком односторонне – евроцентристские воззрения канцлера: “Ваша карта Африки и вправду очень хороша, но моя карта Африки расположена в Европе. Здесь расположена Россия и здесь расположена Франция, а мы в середине; вот моя карта Африки”.

Новый восточный кризис вокруг Болгарии представлял собой более значительную опасность для Бисмарка, чем кризис 1875-1878 гг.

Тесные австро-германские связи, даже если строго оборонительный характер двойственного союза и не подчеркивался, без всякого умысла с германской стороны легко могли привести к тому, что империя, оказавшись в состоянии войны с Россией (а также перед лицом шовинистических, профранцузских настроений в среде петербургской и московской общественности и перекликающейся с ними волны реваншистских настроений во Франции) начнет воевать и с Францией. 11 января 1887 года Бисмарк в речи, произнесенной в рейхстаге, публично предостерегал Австро-Венгрию от подобной игры. Венское правительство толкали на нее представители прусского генерального штаба и оппозиционной Бисмарку группировки чиновников-интриганов внешнеполитического ведомства из окружения тайного советника фон Хольштайна. “Нам совершенно все равно, – заявил канцлер, – кто правит в Болгарии и что вообще станет с Болгарией – это я повторяю здесь; я повторяю все, что говорил ранее, употребляя избитое и заезженное выражение о костях померанского гренадера: весь

восточный вопрос не является для нас вопросом войны. Мы никому не позволим из-за этого вопроса накинуть себе на шею поводок, чтобы поссорить нас с Россией". "Австрия, – объяснял Бисмарк в мае 1888 года, в период "99 дней", кронпринцу (будущему императору Вильгельму II), – если останется нашей единственной опорой после того, как мы сожжем свои корабли в направлении России и Россия и Франция будут противостоять нам как заклятые враги, вновь приобретет влияние на Германскую империю, аналогичное тому, которое мы, к счастью, ликвидировали в 1866 году. Прочность наших отношений с австро-венгерским государством основывается большей частью на том, что мы в случае, если Австрия предъявит нам несправедливые обвинения, сможем прийти к соглашению и с Россией. Если таковая возможность исчезнет, Австрия станет гораздо более требовательным союзником, чем до сих пор, а если найдет поддержку у России, то, возможно, столь же требовательным, как во времена Германского бундестага".

Именно из этих соображений Бисмарк в разгар кризиса 1887 года, после того, как нечего стало и думать об обновлении Союза трех императоров или о замене его каким-либо другим тройственным союзом, приложил все силы к тому, чтобы добиться двухстороннего русско-германского договора. Этот договор должен был устранить по крайней мере непосредственную угрозу войны, каким бы малым ни оказалось его значение в случае нового обострения кризиса в Европе.

В ходе политической игры, в которой были использованы все "регистры" тактики ведения переговоров, Бисмарку удалось приблизить Англию, до сих пор стоявшую в стороне в "splendid isolation" [31], к Австро-Венгрии и Италии и обязать к сохранению status quo на Балканах (Тройственный восточный союз, или Средиземноморская антанта). Почти одновременно, пойдя на значительные уступки России (в части турецких проливов), посредством "совершенно тайного" дополнения к подписанному 18 июня 1887 года тайному русско-германскому договору перестрахования канцлер склонил Россию к нейтралитету в случае нападения Франции на Германскую империю. Разумеется, обязательства, взятые на себя Бисмарком по различным договорам и соглашениям, противоречили друг другу, если не букве, то по духу. Однако при оценке подобного "двусмысленного" поведения следует учитывать, что все эти альянсы были заключены Бисмарком не как обязательства на случай войны. Все они без исключения составлены таким образом, чтобы никогда не допустить наступления прецедента, предусмотренного договором, то есть войны.

Прусский генеральный штаб, в том числе и лично Мольтке (осенью 1887 года призывавший к зимнему походу на Россию), настаивал на начале превентивной войны в условиях якобы благоприятного соотношения сил. При этом с оптимизмом рассчитывали на то, что Англия благосклонно останется в стороне. Однако Бисмарк, сознавая бесперспективность войны, развязанной Германией, последовательно отклонил все “шансы”, как бы заманчиво их ему ни обрисовывали. 6 февраля 1888 года в большой речи в рейхстаге он подробно обосновал причины отказа от превентивной войны: “Не страх настраивает нас столь миролюбиво, а именно сознание собственной силы, сознание того, что и в случае нападения в менее благоприятный момент мы окажемся достаточно сильны для отражения противника. В то же время мы будем иметь возможность предоставить божьему провидению решать, не лучше ли устранить необходимость войны… Любая крупная держава, которая пытается оказать влияние и давление на политику других стран, лежащую вне сферы ее интересов, и изменить положение вещей, приходит в упадок, выйдя за пределы, отведенные ей Богом, проводит политику власти, а не политику собственных интересов, ведет хозяйство, руководствуясь соображениями престижа. Мы не станем этого делать”. Конец этой речи общеизвестен, хоть и цитируется в сильном сокращении: “Нас легко расположить к себе любовью и доброжелательностью – может быть, слишком легко, – но уж, конечно, не угрозами! Мы, немцы, боимся Бога, но больше ничего на свете; а уж богобоязненность заставляет нас любить и сохранять мир”.

Между тем, Бисмарк, исходя из опыта кризисов, считал неустойчивое положение империи в центре континента настолько серьезным, что в январе 1889 года попытался выйти за рамки своей союзной политики. Он предложил Англии, по отношению к которой до сих пор демонстрировал сдержанность именно вследствие ее парламентарной системы правления, союз, который был бы заключен совершенно открыто и ратифицирован парламентами обоих государств (явно направленный против Франции, а в случае своей реализации фактически и против России). Британский премьер-министр лорд Солсбери ответил уклончиво: он хочет “пока что оставить вопрос открытым, не говоря ни “да”, ни “нет”. Эта последняя внешнеполитическая инициатива Бисмарка безрезультатно “ушла в песок”, так что до окончания его пребывания на канцлерском посту решающим фактором его внешнеполитических воззрений была поддержка, которую Германская империя имела в лице России. В мае 1888 года в распоряжении, направленном послу Германии в Вене, он

еще раз сделал принципиальное заявление по проблеме войны против России (подобное же он заявил и кронпринцу Вильгельму). Незадолго до этого на полях документа, касающегося дальнейшего обсуждения темы превентивной войны против России, приписал: “Это не так легко. Победа над Россией – это не разгром, а обретение соседа на востоке, стремящегося к реваншу”. Таким образом, каково бы ни было течение отдельных событий, войну против России, однажды развязанную, в принципе никогда не удастся по-настоящему закончить. В упомянутом распоряжении Бисмарк высказался следующим образом: “Даже самый благоприятный исход войны никогда не имел бы следствием разрушение главных сил России… Эта нерушимая империя, которая сильна своим климатом, своими пустынными просторами и своей непритязательностью, а также тем, что имеет только одну границу, которую необходимо защищать, после поражения осталась бы нашим заклятым врагом, жаждущим реванша, точно таким же, каким является сегодня Франция на Западе… В случае с гораздо более слабой Польшей уничтожить нацию не удалось трем великим державам в течение 100 лет. Жизнеспособность русской нации будет не менее упорной… Лучшее, что мы, по моему мнению, можем сделать – это обращаться с ней как с изначально существующей опасностью, против которой у нас наготове защитные валы, но которую мы не в состоянии стереть с лица земли”.

По этой же причине, и для того, чтобы не попасть в одностороннюю зависимость от Англии, Бисмарк считал Францию и Австрию великими державами, играющими роль неотъемлемого фактора длительного поддержания равновесия в Европе. В 1877 году в беседе с послом Германии в Петербурге фон Швайницем он недвусмысленно заявил: “Дальнейшее существование Франции как великой державы для нас такая же потребность, как и существование любой другой из великих держав, уже хотя бы по той причине, что в известном случае нам потребуется противовес Англии на море”. Имперский канцлер, употребляя множество подобных выражений, подчеркивал значение великой державы Австро-Венгрии для ее союзника Германской империи, а также для всей Европы. Наиболее убедительно прозвучало это в 1879 году в беседе с Вильгельмом I, при обосновании необходимости двойственного союза: “Богемия в руках русских означала бы наш конец; Богемия в наших руках означала бы войны с царской империей без всякой пощады и без передышки. Вы видите, наша жизненная потребность состоит в том, чтобы Австрия жила”. Бисмарк, явно на крайний случай предстоящей войны на два фронта, начиная самое позднее со

времен кризиса 1887 года, взвешивал возможность “в последний момент купить нейтралитет России, отказав Австрии в поддержке и этим отдав России Восток”, как признался он в 1885 году графу Хатцфельдту. Кризис 1887 года со всей очевидностью продемонстрировал всю серьезность положения империи, которое еще в 1882 году в речи в рейхстаге Бисмарк пластично обрисовал таким выражением: “миллионы штыков направлены преимущественно в центр Европы. Мы находимся именно в центре Европы и уже вследствие своего географического положения и, кроме того, в результате всей европейской истории поставлены под удар коалиций прочих держав”.

***

Этому “Caushemar des coalitions” во внешней политике, неразрушимому до тех пор, пока Германская империя будет оставаться в своем неустойчивом “полупреимущественном” положении в Европе, во внутренней политике у Бисмарка соответствовал “Caushemar des revolutions” [32] (Т. Шидер). В период кризисов оба “кошмарных сна” сплетались в сознании канцлера в крайне запутанный клубок: “шеренги” внешних врагов вламывались во внутригерманские декорации, а угроза социальной революции внутри империи сочеталась с внешними врагами. Единственное существенное различие в применяемых “методах борьбы” состояло, с точки зрения Бисмарка, в том, что он в принципе с уважением относился к интересам европейских великих держав. Разумеется, в каждом отдельном случае можно спорить относительно сфер интересов, но европейскую структуру распределения власти он рассматривал как конгломерат, составленный из множества отдельных “единств”. При этом было необходимо – здесь корни диаметрально противоположной внутриполитической концепции Бисмарка – заставить “единство” Германской империи проявиться среди этого многообразия как можно более ярко. Все, что в действительности или только лишь на взгляд канцлера ставило под сомнение цельность “единства” Германской империи, он считал “правопротивным” и, преисполненный ненависти – в том числе и в высшей степени сомнительными средствами – с этим боролся, что и приводило к нерациональному обострению конфликта. Бисмарк полностью идентифицировал себя с империей, в соответствии с собственной перефразировкой слов Людовика XIV. Она прозвучала в его беседе с послом фон Швайницем: “Moije suis 1'Etat” [33] и стала – по мнению Швайница – ярким выражением абсолютного слияния

эгоизма и патриотизма, самопожертвования и себялюбия.

Не считая всего прочего, подобная позиция Бисмарка свидетельствовала о недооценке конституционного характера империи. Уже вскоре после 1871 года, а окончательно – после полного пересмотра всей своей политической концепции в 1878-1879 гг, он больше не допускал возможности компромисса с либералами, несмотря на то, что первоначально именно рейхстаг рассматривал как элемент национального единства. Впрочем, имперский канцлер всегда считал, что национальный парламент Германии служит государственной власти и оказывает ей поддержку как внутри государства, так и вне его, но ни в коей мере не является формой политических и социальных столкновений, которые можно рассматривать как действительное или мнимое ослабление единства Германской империи. Бисмарк в полном недоумении взирал на проявления социальной динамики, отражавшиеся в практике деятельности рейхстага. В этом он видел только происки “врагов империи”. В 1883 году в кругу доверенных друзей он взял назад свои уже ставшие крылатыми слова, произнесенные в 1863 году, с таким замечанием: “Этот народ не умеет скакать верхом… Будущее Германии видится мне в весьма черном свете. Если “Форхов и Виркенбек” станут у руля и будут продвигаться по протекции сверху, то все снова развалится. Все они мелочны и ограниченны, никто не действует на общее благо, каждый тащит только в собственную норку своей фракции”.

Многочисленные, в большинстве случаев спровоцированные им самим конфликты с различными учреждениями, группировками и лицами (весьма ярким примером является конфликт с послом Германии в Париже фон Арнимом, который возник по причинам как делового, так и личного характера и закончился длительным процессом) расшатали нервную систему Бисмарка. Он постоянно, часто на несколько месяцев, удалялся в Варцин или Фридрихсру, а также на лечение в Бад-Киссингер или Гаштейн. Ему была в тягость двойная нагрузка – посты рейхсканцлера и премьер-министра Пруссии. В 1873 году Бисмарк на несколько месяцев перепоручил пост премьер-министра Пруссии Роону. Однако поскольку в это время (и в последующие годы, почти до конца столетия) центральная власть Пруссии играла определяющую роль в имперской политике (лишь впоследствии усилился собственный вес имперских институций), от разделения властных постов пришлось отказаться…. Бисмарка по-прежнему никоим образом не интересовали внутриполитические проблемы, если они не вырастали до масштабов внешнеполитических.

В первые годы существования Новой империи национал-либералы продолжали оказывать канцлеру поддержку, которая существовала со времени основания Северогерманского союза и до 1878 года даже постоянно возрастала. Напротив, “Старые консерваторы”, и среди них многие друзья Бисмарка 50-х годов, отвергали образование империи. Газета “Кройццайтунг” вела острую полемику с прусскими консерваторами, которые были, на ее взгляд, ренегатами. Только в 1876 году, с образованием Германской консервативной партии была остановлена тенденция к снижению политического значения консерваторов, – наметилось сближение с Бисмарком. Столкновения левых либералов (под руководством Ойгена Рихтера), стоящих на позициях прогрессивной партии до 1866 года, с Бисмарком из-за принципиальной или “реальной” политики, непрерывно продолжались в течение двадцати лет его пребывания на посту рейхсканцлера.

Если конфликт с консерваторами постепенно шел на убыль, то борьба Бисмарка с вновь сформированной в 1870 году партией центристской ориентации, представлявшей политические устремления католицизма, в середине 70-х годов достигла предельной остроты. Либералы с самого начала воспринимали усиление догматического и иерархического аспектов католической церкви в период пребывания у власти папы Пия IX, с момента собора 1869-1870 гг., как объявление войны современному государству и управляемой на протестантский лад Германской империи. И “отвечали” на это принципиальным контрнаступлением (Вирхов: “Культуркампф” [34]).

Бисмарк же вначале стремился добиться только реорганизации на новой основе и более строгого отграничения государства и церкви. Это представлялось целесообразным в свете положения, сложившегося после образования империи. Во время войны 1870-1871 гг, он еще продолжал, по его мнению, позитивное сотрудничество с курией в связи с отходом французов из Рима и вступлением итальянских правительственных войск. Попытки Бисмарка разделить курию и партию закончились неудачей. Активность партии Католического центра, объединившейся в рейхстаге с “врагами империи”, поляками, эльзасцами и “Вельфами”, дала Бисмарку повод считать сам центр “международной” группировкой “ультрамонтанов” [35], которой “управляют издалека” и которая, поддерживая связи с иностранными державами, инсценировала “заговор” против империи. Во время кризиса “войны в пределах видимости” 1875 года подобное толкование альянса католических сил было весьма важным элементом политики Бисмарка. Еще в мае 1872 года в

речи в рейхстаге он произнес неосторожную фразу, которая впоследствии часто цитировалась: “Не беспокойтесь, в Каноссу мы не пойдем”. Несмотря на столь громкие слова, вскоре выяснилось, что ни государственные меры, направленные против церковных учреждений, ни страстные нападки Бисмарка на католическое духовенство цели не достигли. Раскола партии Католического центра не произошло, а в результате следующих выборов в рейхстаг она лишь усилилась. Когда новый папа Лев XIII дал понять, что готов пойти на компромисс, Бисмарк, начиная с 1876 года, шаг за шагом сдавал позиции (это продемонстрировали прежде всего “майские законы” министра по делам культов Фалька).

Отступление на этом “фронте” было ускорено вследствие убежденности Бисмарка в том, что еще большая опасность для государства исходит от международного социалистического рабочего движения. В 1875 году в Готе произошло объединение обеих немецких социалистических партий в Социалистическую рабочую партию Германии. Рабочее движение, как показал исход выборов в рейхстаг в 70-е годы, вследствие индустриализации, ускорившейся после образования империи, переживало быстрый расцвет и в условиях ожидавшегося превращения Германии из аграрного государства в индустриальное опиралось на все более широкие массы. Постоянный скрытый страх Бисмарка перед революцией, возникший в 1848 году и открыто проявлявшийся в кризисных ситуациях, в 70-е годы чрезвычайно усилился. 25 мая 1871 года Бебель в речи, произнесенной в рейхстаге, заявил, что пролетариат Европы в надежде взирает на Париж. Борьба, происходящая там, “всего лишь только небольшое столкновение форпостов, и не пройдет и нескольких лет, как боевой клич парижского пролетариата: “Мир хижинам, война дворцам, смерть нищете и безделью!” станет боевым кличем европейского пролетариата”. Бисмарк счел это непосредственной угрозой консервативно-монархическому устройству Европы. Противодействовать этой угрозе канцлер стремился посредством упомянутого выше объединения консервативных сил (Союз трех императоров 1873 года).

В 1878 году на императора Вильгельма было совершено два покушения, к которым социал-демократы не имели никакого отношения. Однако Бисмарк рассматривал эти инциденты в контексте угрозы государству, исходящей от социал-демократии. Это дало Бисмарку повод спустя восемь дней после второго покушения представить в рейхстаг противоречащий принципам правового государства проект закона о запрещении партии. Отклонение этого законопроекта, в том числе и национал-

либералами, привело к политическому разрыву с канцлером, который немедленно назначил новые выборы, закончившиеся в пользу консерваторов. В октябре 1878 года рейхстаг принял, впрочем, с некоторыми послаблениями, которых удалось добиться либералам, во втором чтении “Закон о социалистах” (“Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии”). Он запрещал все “социал-демократические, социалистические или коммунистические” объединения, собрания и печатные издания, однако оставлял возможность выборов социалистов в рейхстаг. Кроме того, действие его ограничивалось сроком в два с половиной года, а поэтому до 1890 года постоянно возобновлялось рейхстагом по ходатайству Бисмарка.

Разрыв имперского канцлера с основными силами национал-либералов затянулся на длительный период вследствие окончательно завершенного им в мае 1878 года поворота в области экономической и налоговой политики, которая была, в общем-то, довольно далека от основной сферы его деятельности. Начиная с 1875 года, Бисмарк вынашивал идею замены низких фискальных таможенных пошлин империи покровительственными пошлинами и повышения косвенных налогов, с тем чтобы сделать империю менее зависимой от сословных налогов земель. После создания в 1876 году представительства тяжелой промышленности, Центрального объединения промышленников Германии, Бисмарк в декабре 1877 года отправился в десятимесячный отпуск, чтобы ознакомиться с этим новым для него комплексом проблем (из этого отпуска он временно вернулся в столицу империи в связи с восточным кризисом и Берлинским конгрессом). Этому предшествовали тщетные попытки достичь компромисса с национал-либералами, причем лидеру либералов Беннигсену предлагалось войти в прусский кабинет в качестве министра или даже занять видный пост заместителя премьер-министра Пруссии. К этим планам Бисмарка примешивался оттенок опасения в связи со сменой монарха; превращение национал-либералов в “настоящую” правительственную “партию Бисмарка” должно было отделить их от кронпринца и его окружения во главе с фон Штошем. С другой стороны, осуществление проекта по крайней мере способствовало бы парламентаризации империи. Однако именно этого не хотели ни Бисмарк, ни Вильгельм I. Введение покровительственных пошлин и повышение акциза на табак стало основой изменения курса в сфере экономической и налоговой политики. Оно удалось Бисмарку в конце концов лишь вопреки ожесточенному сопротивлению всех группировок

либерального толка, при поддержке консерваторов и партии Католического центра. Католики впервые вступили в сотрудничество с Бисмарком, впрочем, с добавлением оговорки Франкенштайна, которая ограничивала доходы империи и не устраняла ее финансовой зависимости от земель, что значительно преуменьшало успех Бисмарка.

Внешнеполитические последствия политики покровительственных пошлин не замедлили вскоре проявиться, и прежде всего в отношениях с Россией. Таможенные пошлины в условиях аграрного протекционизма в значительной степени коснулись экспорта русской пшеницы в Германию и стали причиной многочисленных таможенных конфликтов с царской империей (1880, 1885,1887 гг.). Конфликт, временами принимавший форму экономической войны – в ноябре 1887 года к этому прибавилась особо отягчающая мера, ломбардный запрет – в течение долгого времени существенно осложнял русско-германские отношения. Бисмарк предпринимал дипломатические и политические меры, направленные на сохранение России в качестве партнера (договор перестрахования), и постоянно выступал с публичными заявлениями, направленными против планов превентивной войны, вынашиваемых генеральным штабом. Однако соединение внутри– и внешнеполитических замыслов и их последствий в сфере внешней торговли и таможенной политики в значительной степени лишили их того положительного воздействия, на которое рассчитывал Бисмарк.

Парламентская ситуация, начиная с 1881 года, стала весьма сложной для Бисмарка (как уже упоминалось, в период выборов 1884 года он тщетно пытался изменить ее в свою пользу, развернув “колониальные восторги”). Он, опираясь на поддержку Германа Вагнера и Теодора Ломана и возвращаясь к идее, высказанной им в 1863-1864 гг, ввел не имеющее зарубежных аналогов развернутое социальное законодательство. После того как в начале января 1881 года проект закона о социальном страховании “застрял” в рейхстаге, Бисмарк представил в императорском послании от 17 ноября 1881 года программу в области социальной политики, которую осуществлял, идя на значительные компромиссы с партией Католического центра. Участие католиков было неизбежно в соответствии с парламентскими процедурами: введением страхования на случай болезни (1883 год), страхования от несчастных случаев (1884 год) и страхования по старости и инвалидности (1889 год). Основным мотивом действий Бисмарка была – наряду с христианской ответственностью за тех, кто нуждается в социальной защите – политическая цель: отвлечь рабочих от международной социал-

демократии и вернуть их в лоно прусско-германского государства. Как и в случае борьбы с партией Католического центра в ходе “культур-кампфа”, здесь также отсутствовали какие-либо предпосылки для оправдания его политического расчета. Социал-демократическая фракция в рейхстаге и в 80-е годы продолжала набирать силу. Поэтому не случайно нерешенные проблемы социальной политики стали причиной явного кризиса в отношениях между Вильгельмом II и Бисмарком. Сложившееся критическое положение закончилось отставкой канцлера.

1887 год ознаменовался кризисом во внешней политике. Бисмарку под лозунгами внешнеполитического и оборонного характера (осуществление проекта увеличения численности военных штатов мирного времени) удалось впервые по прошествии почти десяти лет получить большинство в рейхстаге в виде “картеля”. Он состоял из консерваторов (качнувшихся в сторону канцлера) и национал-либералов, однако на следующих выборах 20 февраля 1890 года именно эта группировка потерпела ощутимое поражение. Победителями стали левые либералы, и в первую очередь социал-демократы, которые получили 1,5 миллиона голосов, то есть собрали наибольшее среди всех партий количество сторонников, хотя вследствие мажоритарной системы выборов им и удалось получить всего 35 мест в рейхстаге. Перед Вильгельмом II стояла альтернатива: приступить к “программе борьбы” с новым рейхстагом, автором которой был Бисмарк, или отправить 75-летнего канцлера в отставку. В результате колебаний, вызванных причинами как личного, так и внутриполитического характера, Вильгельм принял решение в пользу второго варианта. В рассуждениях Бисмарка о том, как следует поступать после выборов, определенная роль отводится выкладкам, которые вызывают различные мнения историков и носят название “планы государственного переворота”. Бисмарк высказал мнение о том, что посредством соглашений между монархами и вольными городами без согласия парламентов земель и рейхстага империю можно “распустить” и “основать заново” в новых условиях (ликвидация или ограничение полномочий рейхстага). Это заявление было в большей мере репликой государственного деятеля, который видит перед собой конец своей карьеры канцлера и борется за сохранение своего поста, чем взвешенной и рационально обоснованной интерпретацией конституционных установлений империи, не говоря уже о практике их применения. Даже если не принимать во внимание отношения Вильгельма II к канцлеру, для реализации подобных намерений или расчетов попросту

отсутствовали какие-либо предпосылки. Бисмарк, со своей стороны, в течение всех прошедших лет не подумал о том, чтобы своевременно воспитать и приблизить к себе возможного преемника на посту имперского канцлера и ввести его в курс необъятного комплекса проблем и задач. Если он вообще думал о преемнике, то имел в виду своего сына Герберта, который с 1886 года занимал пост государственного секретаря по иностранным делам.

БИСМАРК ВО ФРИДРИХСРУ: НАЕДИНЕ С ТРЕВОГОЙ ЗА СУДЬБУ ИМПЕРИИ (1890-1898)

После смерти Вильгельма, скончавшегося 9 марта 1888 года, пребывание Бисмарка на посту канцлера бесспорно близилось к концу. Это косвенно выразилось и в произнесенной Бисмарком речи памяти императора, исполненной глубокого волнения и свидетельствовавшей о ни с чем не сравнимой тесной привязанности, соединявшей их в течение столь длительного времени, несмотря на все конфликты. Короткий период правления смертельно больного Фридриха III не оставил никаких возможностей для любого рода перемен. 15 июня 1888 года на престол взошел 29-летний Вильгельм II, и вначале все, казалось, указывало на то, что пребывание Бисмарка на посту канцлера продлится еще долго. Во всяком случае, будучи принцем, Вильгельм был очень привязан к Бисмарку и глубоко уважал его. Однако корни этих чувств следовало искать скорее в психологическом “противостоянии” родителям (Бисмарк отзывался о них весьма критически), и прежде всего матери, дочери королевы Виктории, чья ненависть к Бисмарку у Вильгельма трансформировалась в восхищение им. Старание Бисмарка подготовить Вильгельма к его будущим задачам на посту правителя и в первую очередь ознакомить его с деятельностью внешнеполитического ведомства имело так же мало успеха, как и попытки предостеречь от наносящего ущерб династии участия принца в антисемитской агитации придворного проповедника Штекера и от слишком тесных личных отношений с преемником Мольтке на посту главы генерального штаба, графом Вальдерзе, чью идею превентивной войны с Россией Бисмарк считал крайне губительной. Канцлер предавался иллюзии, что сможет и дальше сотрудничать с Вильгельмом II на основе якобы существовавшего между ними доверия, несмотря на различия в мнениях, которые проявились еще до вступления Вильгельма на престол. А новый император, независимо от влияния толпившихся вокруг него противников Бисмарка, был твердо убежден в том, что ему следует как можно скорее расстаться с канцлером деда.

Расхождение во взгляде на русский вопрос наложило свой отпечаток на те немногие месяцы, что они провели у руля государства вместе, но были и внутриполитические проблемы,

точнее, вопросы социальной политики, которые приведи к разрыву. Жестокое столкновение между императором и канцлером произошло 24 января 1890 года на заседании Коронного совета. При этом речь шла, во-первых, о предстоящем возобновлении закона о социалистах, которое могло иметь место в рамках парламента лишь в том случае, если будет предусмотрено смягчение формулировок, выдвигавшееся национал-либералами в качестве условия своего согласия. Поскольку император и канцлер не смогли прийти к соглашению по этому вопросу, закон о социалистах 25 января 1890 года не был возобновлен рейхстагем. Для Бисмарка – после двенадцати лет борьбы с международной социал-демократией, представляющей, по его мнению, подрывную силу, – это было тяжелым поражением. Во-вторых, во время столкновения 24 января речь шла о программе Вильгельма II в области социальной политики. Программа должна была стать продолжением социального законодательства Бисмарка периода восьмидесятых, поскольку содержала закон об охране труда. Бисмарк колебался, но все же был склонен пойти на уступки. Проекты указов, составленные, наконец, Бисмарком, 4 февраля 1890 года были обнародованы императором без предусматривавшейся конституцией визы канцлера. Это стало публичной демонстрацией конфликта.

Катастрофический для “картеля” результат выборов в рейхстаг 20 февраля 1890 года и проявившееся еще в ходе предвыборной борьбы явное дистанцирование от Бисмарка партий, бывших до этого правительственными, в первую очередь консерваторов Германии, продемонстрировали политическую изоляцию старого канцлера. В течение последовавшей за этим заключительной фазы конфликт между императором и канцлером, вызревший на разногласиях по менее существенным вопросам, все больше и больше концентрировался на вопросе о власти. 5 марта в речи по проблемам социальной политики Вильгельм заявил, намекая на Бисмарка: “Тех, кто будет препятствовать мне в этой работе, я уничтожу”. “Последняя” попытка канцлера обеспечить себе новую поддержку в рейхстаге путем переговоров со своим давним противником в вопросах внутренней политики, лидером партии Католического центра Виндтхорстом, предпринятая 12 марта, потерпела неудачу. Консерваторы отказали Бисмарку в поддержке из-за “слабости” его мирной политики. Визит Вильгельма к Бисмарку 15 марта начался со спора относительно права канцлера принимать депутатов рейхстага без согласия императора и закончился предложением короля министру подать прошение об отставке. В

этом документе, который был наконец составлен 18 марта (публиковать его Вильгельм запретил) на передний план выдвинулась внешнеполитическая проблематика, неотложная, как он считал, для империи необходимость поддерживать тесные связи с Россией, которые именно сейчас, в связи с предстоящим возобновлением договора перестрахования, вступили в новую стадию. Прошение Бисмарка заканчивалось словами: “Я уже давно представил бы просьбу об отставке с моих постов на рассмотрение Вашего Величества, если бы у меня не создалось впечатления, что Вашему Величеству было бы желательно использовать опыт и способности верного слуги Ваших предков. После того как я уверился в том, что Ваше Величество в таковых не нуждается, я позволю себе удалиться от общественной жизни, не опасаясь, что общественное мнение сочтет мое решение преждевременным”. В действительности же общественное мнение и политические партии Германии, которые – вследствие отстраненности рейхстага от проблем международной политики, за которую отвечал Бисмарк, – не осознав внешнеполитического масштаба решения монарха, восприняли отставку канцлера с облегчением.

Во второй половине дня 18 марта Вильгельм II, привыкший мыслить военными категориями, объяснил генералитету причину предстоящего ухода Бисмарка в следующих характерных для него выражениях: “Он отказывается подчиняться мне на армейский лад и не желает уступать. Но мне не нужны такие министры; напротив, они должны подчиняться мне”. К акту отставки, который состоялся 20 марта 1890 года, было приурочено – вопреки воле Бисмарка – присвоение титула герцога фон Лауэнбурга и звания генерал-фельдмаршала.

***

В то время как в Германии общественность поначалу восприняла шаг императора в основном с облегчением и одобрением, отклики в иностранной прессе повсюду свидетельствовали об озабоченности и сомнениях относительно дальнейшего пути, по которому пойдет Германия, и относительно международного мира. Наибольшую известность получила карикатура в лондонском журнале “Панч” от 29 марта: “Лоцман сходит на берег”. В этот день Бисмарк с семьей покинул столицу империи. Теперь проявилась оборотная сторона официального прощания: плотные толпы людей провожали Бисмарка непрекращавшимися овациями на пути от дворца имперской

канцелярии и до вокзала. Там он вошел в свой салон-вагон. “В ответ на несмолкавшие крики “До встречи!” и “До свидания!” он приложил палец к губам и ненадолго отошел от окна. Он был явно под впечатлением энтузиазма масс и официального чествования. “Крупные слезы” выступили у него на глазах, когда десятки тысяч голосов в здании вокзала и перед ним запели “Вахт ам Рейне” [36] и гимн Германии… После долгого последнего рукопожатия между Бисмарком и его преемником на постах имперского канцлера и премьер-министра Пруссии, генералом фон Каприви, поезд под звуки “Стражи на Рейне” покинул вокзал и двинулся по направлению к Фридрихсру. Там ожидал следующий почетный караул, командующий и штаб IX армейского корпуса, а также множество гостей и зрителей” (М. Ханк).

Сведения о жизни Бисмарка после отставки, преимущественно во Фридрихсру, а временами и в Варцине, до недавнего времени, за исключением нескольких “фактов”, были противоречивыми. Преобладал штамп “старец из Саксонского леса”. К “фактам” относились работа в течение первых двух лет над объемистым отчетом, написанным блестящим языком, и над воспоминаниями, которые включали в себя размышления над фундаментальными проблемами политики (с посвящением “Сыновьям и внукам для понимания прошедшего и как урок на будущее). В 1892 году они были завершены с помощью давнего и близкого друга Лотара Бухера. Два первых тома, охватывающие период до 1890 года, были опубликованы вскоре после его смерти под названием “Мысли и воспоминания”. Третий том, в котором автор сводит счеты с Вильгельмом II, должен был выйти после смерти императора, однако был опубликован вскоре после конца монархии в Германии, в 1921 году. Получили известность публицистические выступления Бисмарка в “Гамбургер нахрихтен” и в ряде других изданий как своего рода выражение завуалированного личного мнения по политическим вопросам, в которых он резко критиковал деятельность своего преемника фон Каприви и его политику заключения торговых договоров, направленную на создание условий наибольшего благоприятствования для промышленности и ориентированную на экономическое объединение “Центральная Европа” под эгидой Германии, а также политику “Нового курса”, колеблющуюся между Англией и Россией. В одном из выступлений экс-канцлера в 1896 году прозвучало и крайне сомнительное с правовой и политической точки зрения разоблачение фон Каприви, который в 1890 году не возобновил договор перестрахования с Россией, хоть и намекал на это в течение нескольких лет.

Кроме того, общеизвестными фактами являются предоставление Бисмарку национал-либералами мандата депутата рейхстага в 1891 году (которым он, впрочем, никогда не воспользовался), внешнее примирение с Вильгельмом II в 1894 году, отклонение поздравительного адреса рейхстага по случаю его 80-летия в 1895 году и, наконец, приемы бесчисленных делегаций поклонников Бисмарка во Фридрихсру. Слова благодарности, произносившиеся Бисмарком в таком случае, были исполнены то оптимизма, то глубочайшего пессимизма. Сегодня он в беседе со студентами высказывал надежду на то, что и в 1950 году они будут произносить здравицы в честь императора и империи, а назавтра (как, например, в 1893 году) с сомнением заявлял:

"Может статься, Германии суждено Богом еще раз прийти в упадок и затем снова подняться на вершину славы, на новой республиканской основе, но нас это уже не касается".

Смерть жены Иоганны, скончавшейся 17 ноября 1894 года в Варцине, глубоко потрясла Бисмарка и до предела усилила чувство одиночества. Начиная с 1898 года, его физическое состояние быстро ухудшалось из месяца в месяц. Смерть Бисмарка 30 июля 1898 года, которой предшествовал период мучительной бессонницы, была, по выражению его сына Герберта, "тихой и мирной". Герберт отказался перевезти тело отца в Берлинский собор для торжественного погребения, которое планировал Вильгельм II. Траурная церемония, в которой принимал участие император, "серьезный, с морщинами на лбу, придававшими лицу жесткое выражение, и крепко сжатым ртом", состоялась 1 августа 1898 года во Фридрихсру и была обставлена весьма просто. Бисмарк был погребен в мавзолее во Фридрихсру. В газете "Рейхсанцайгер" император, еще год назад называвший Бисмарка "приспешником" своего деда, именовал покойного "мастером искусства управлять государством" и торжественно обещал "то, что Он, великий канцлер, создал при императоре Вильгельме Великом, хранить и приумножать, а если понадобится, защищать любой ценой".

Лишь недавно, когда закончилось изучение многочисленных источников, хранившихся в семейном архиве во Фридрихсру, появилась возможность описать всю полноту трагедии одиночества Бисмарка в последние восемь лет его жизни. "Реальность" этих лет, проведенных во Фридрихсру, изображает Бисмарка "неспокойным, мучимым ненавистью и тревогой, сварливым, неизбежно пребывающим в когтях политических страстей, которые убили в нем интерес ко всему остальному, и при этом не имеющим никакой надежды на возвращение,

сосланным в место, которое он любил, но в отсутствие служебных обязанностей лишенное прежней прелести, окруженным людьми, которые – за исключением сыновей – едва ли могли дать ему что-либо, кроме симпатии и почитания. Одиночество стало уделом его последних лет, несмотря на кипучую деятельность, не прекращавшуюся во Фридрихсру" (М. Ханк). Наряду с одиночеством, эти годы были отмечены тревогой за судьбу "своей" империи, страхом перед политическими и социальными катастрофами, лишавшим его сна ("Через двадцать лет после смерти Фридриха Великого была Йена; через двадцать лет после моей кончины снова настанет крах, если и впредь будут править таким образом"). Однако в последние годы жизни Бисмарком, кроме всего прочего, двигали такие мощные импульсы, как одержимость властью и жажда мести.

Он был выключен из всякой официальной деятельности и не получал никакой официальной информации, однако представители "Нового курса" чрезвычайно опасались Бисмарка как истинного "лидера оппозиции", ведь все отдельно взятые шаги официальной политики всегда совершались с оглядкой на возможную критическую реакцию экс-канцлера. Его незримое присутствие во многом определяло атмосферу взаимоотношений между "Берлином" и "Фридрихсру". Впрочем, упорно повторявшиеся попытки Бисмарка повлиять позитивным образом на политические события современности, находясь во Фридрихсру, потерпели полный провал. Парадокс состоял в том, что в эти годы он до такой степени превратился в национальный миф, в "железного канцлера", в "германского богатыря" и "Роланда", в "памятник самому себе", что проявилось в том числе и в создании бесчисленных монументов и колонн, и прежде всего величественного памятника работы Гуго Ледерера в Гамбурге (1901-1906 гг.). Ставшие уже историческими деяния канцлера, как продемонстрировавшие свою правильность, так и оказавшиеся спорными, находили столь высокое признание и вызывали такое уважение, что его как "воспитателя современности" просто "не слушали", его предостережения не принимались к сведению. Этот элемент трагизма, характерный для последних лет жизни Бисмарка, накладывает отпечаток на всю его деятельность в целом и на его – чередующееся с размышлениями о национально-исторических переломах – толкование дальнейшего хода истории созданной им великой державы – Германской империи.

РОЛЬ БИСМАРКА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

"Немецкий вопрос", с тех пор как в ходе столкновения немцев с революцией и с "Grand Empire" [37]. Наполеона он превратился из литературно-духовной в политическую и социальную проблему, всегда представлял собой вопрос европейского масштаба. С тех пор в сильно сокращенном виде "немецкий вопрос" означает следующее: как привести стремление немцев – по своему расположению в центре Европы и своему потенциалу занимающих особое место – к единству и свободе, к объединению в национальном государстве, таком, какое крупные западноевропейские нации имели уже со времен средневековья, в соответствие с безопасностью всей Европы, а также с простирающимися до самого центра Европы властными амбициями великих европейских держав (в том числе обеих великих немецких держав, Австрии и Пруссии), с их заинтересованностью в состоянии "равновесия", которое предоставляет максимально возможную свободу действий. До сих пор – это еще раз подтвердила структура Германского союза, созданного Венским конгрессом в 1815 году, – такое состояние покоилось в основном на уравновешивающей функции центра Европы, который представлял собой свободное государственное образование союзного типа, включающее в себя суверенных немецких князей и вольные города, и служил "буфером" между великими державами.

Ход и итоги революции 1848 года продемонстрировали едва ли преодолимые внутригерманские территориальные и социальные трудности при решении "немецкого вопроса" посредством образования национального государства с первой попытки и революционным путем. Кроме того, события в 1848 г , способствовали тому, что в ходе дебатов в немецком Национальном собрании обнаружился гигантский размах притязаний пребывающего in statu nascendi [38] национального немецкого государства, которые в окончательном виде представляли собой – как всегда, имеющее разрозненный вид, основывающееся на понятиях "мелконемецкий", "великогерманский" или "центральноевропейский"" – объединение всей Центральной Европы в широком смысле слова, от Северного и Балтийского морей до Адриатики (и частью фактически, частью потенциально до Черного моря). Подобное объединение в такой степени бросает вызов всей остальной

Европе (как великим державам, так и мелким соседям национального немецкого государства), что эта попытка при наличии такой международной перспективы была неизбежно обречена на провал.

Стремление к экономическому объединению как можно более обширной части Центральной Европы, которое родилось еще в домартовский период и имело место в ходе революции и после ее завершения, в условиях, когда две великие немецкие державы соперничали между собой, а средние и мелкие немецкие государства настаивали на своем суверенитете, было в политическом отношении насильственно остановлено “на полпути”. Начиная с 1834 года, экономическое единство было реализовано на “мелконемецком” уровне в рамках Германского таможенного союза, существовавшего под эгидой Пруссии. В 50-е годы в качестве конкуренции планировалось создание широкомасштабного таможенного союза, соответствовавшего интересам Австрии. Само по себе это стремление, даже в экономически мощном сочетании с “углем и сталью”, не могло привести к политическому решению “немецкого вопроса”. К этому прибавилась сильная позиция ведущей державы консервативного лагеря, России, которая распространяла свое влияние и на Центральную Европу и сопротивлялась любым переменам в этом регионе. Это в полной мере показал итог “союзной” политики Пруссии, ориентированной на “мелконемецкое” решение посредством договоров, вскоре после революции, в 1850 году (Ольмюц). До тех пор пока сохранялась такая расстановка сил в центрально-европейском и общеевропейском масштабе, решение “немецкого вопроса” было исключено.

Лишь новая историческая веха, Крымская война (1854-1856 гг.), повлекшая за собой вытеснение России с занимаемых позиций и длительный политический разрыв между Россией и Англией и Россией и Австрией, внесла изменения в существующую расстановку сил и создала внешнеполитические рамки для решения “немецкого вопроса”. Пруссия, экономически более динамичная, в военном отношении после реформы более современная, в области проведения национальной политики более гибкая, хоть и парализованная с начала шестидесятых годов внутриполитическим кризисом, имела по сравнению с Австрией несколько более благоприятные шансы. Однако до событий 1866 года под Кениггрецем решение оставалось открытым, а до поздней осени 1870 года еще “не окончательным”.

Историческая заслуга Бисмарка состоит в том, что он ясно осознал, каким образом, то есть на какой властной основе

(прусское военное и бюрократическое государство), в каком направлении и в каких пределах должен быть “немецкий вопрос” под эгидой Пруссии, чтобы это решение было приемлемым для Европы. Главным же залогом успехов канцлера было то, что его политическая концепция, основанная на этом решении, стратегически и тактически далеко превосходила действия противников. Эта концепция включала в себя подчинение немецкого национального движения государственным интересам Пруссии, а также примат дипломатических и – в строго контролируемых пределах – военных средств в рамках разумной политики нажима. В случае необходимости Бисмарк не исключал дуэлеобразных, не допускающих международного вмешательства, традиционных войн, в условиях отказа от “излишних” эмоций национальной окраски или “подрывных средств” национал-революционного толка.

Путь Пруссии, с 1862 года ведомой Бисмарком, временами пролегал вплотную к обозначенным таким образом границам. Однако необходимости в нарушении их не возникало – не в последнюю очередь благодаря чрезвычайной “fortune” прусского премьер-министра, проявлявшейся иногда при принятии решений. Результатом событий 1866 и 1870-1871 гг, было коренное изменение расстановки политических сил в Европе при сохранении системы власти в целом, а также ее социальной основы.

Независимо от этого наблюдалась “революционизация” положения в Европе в двух отношениях. Решающее значение имело то, что вновь образованная Германская империя, которая считалась объективно “незавершенным”, а Бисмарком объявлялась “удовлетворенным” национальным государством с Пруссией в главной роли, впервые на протяжении столетий создала в Центральной Европе своего рода центр тяготения. Прежде фланговые государства, Россия, Франция и Англия, соперничая друг с другом, тем или иным образом распространяли свое влияние на центр континента. Теперь новая великая держава, занимающая “полугегемонистское” положение в Европе – Германская империя, – расширяла сферу своих интересов на Восток и Запад, на Юг и Юго-Восток. Кроме того, Австрия в 1866 году утратила свою ведущую роль, и Габсбургская монархия была оттеснена на Юго-Восток. Истощающее силы соперничество между Австрией и Пруссией на центральноевропейской арене, существовавшее до 1866 года, сменилось в 1871 и в 1879 годах реализованным в двойственном союзе сотрудничеством между ними. Это дало Германской империи относительно прочное положение на континенте. Впрочем, в случае объединения других

великих держав все еще оставалась опасность, которая, прежде всего из-за внутренней ослабленности двойной монархии, Австро-Венгрии, грозила нестабильностью империи в будущем. Сомнительность политики Бисмарка, до 1871 года как в политическом аспекте, так и с точки зрения сохранения социального устройства Пруссии как “rocher de bronze” [39], успешно способствовала поддержанию консервативного социального устройства всей Европы. Это качество канцлера дало себя знать при переходе от политического наступления на международной арене к неизбежной обороне, а также в необходимости ограничиться консолидацией и сохранением достигнутого и принять незавершенность национально-государственного решения в духе национальных идей Паульскирхе как данность. Бисмарк считал, что, осуществив аннексию Эльзаса и Лотарингии, объективно крайне спорную, но необходимую, по его мнению, для установления “истинного” равновесия между континентальными великими державами в Европе, он сможет остановить динамику национальной идеи, которую до сих пор культивировал, хоть и направлял в определенное русло, и удержать вновь созданную Германскую империю в статичном состоянии (как в социальном, так и в политическом отношении).

Бисмарк глубоко изучил современные ему структуры расстановки сил на международной арене и сумел – пусть даже частично и временно (начиная с 1878 года) – включить Германскую империю в европейскую систему государств и выдвинуть ее в качестве фактора поддержания мира. Это было внешнеполитическим достижением (после того как перед этим он сам разрушил существующее соотношение сил) чрезвычайного значения. Вместе с тем у канцлера отсутствовали категории для осознания социальной динамики, которую невозможно было с помощью перемены соотношения сил в Центральной Европе надолго отвести в сторону от внутриполитической проблематики и обуздать. Более того, в результате “революции сверху”, совершенной силовыми методами, социальные процессы ускорились. Попытки Бисмарка насильственными методами уничтожить опасные социальные силы, несущие в себе революционный заряд, которые, как он считал, угрожают существованию империи наряду с коалициями иностранных держав, были обречены на провал. Национальная и социальная динамика Германской империи, руководство которой выскальзывало из рук канцлера, оказывала, в свою очередь, обратное воздействие на международную политику и уже в конце восьмидесятых годов грозила выйти за рамки союзной “системы”,

рассчитанной на поддержание мира в Европе.

"Зарядку" прусской державной идеи националистическими эмоциями Бисмарк считал чрезвычайно опасной, но не мог сдержать ни до, ни после отставки. Эта тенденция все чаще проявлялась в выступлениях социальных и политических сил, задающих тон в общественном мнении Германии, и привела – как бы на другом, гораздо более опасном уровне – к новому вызову Европе, подобно революции 1848 года. Однако теперь, вследствие соединения пропаганды "пангерманской" и "центральноевропейской" идеи с прусско-германской государственной властью, во взрывчатой атмосфере "мировой политики" вильгельмовского образца это закончилось вначале реальной изоляцией империи в Европе, а затем "бегством вперед", в войну за "мировое господство или смерть".

Национальное единство в 1918 году пережило поражение в мировой войне и конец монархий в Германии. Это стало подтверждением интегрирующей силы национального государства, которая отчетливо проявилась, выйдя за пределы той чисто инструментальной роли, которую отводил ей Бисмарк, и преодолев социальные барьеры. Критика Бисмарка проникла в историческую науку из политической повседневности шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов через публицистику и поэтому постепенно стала более тонкой. Критические голоса раздавались со стороны католиков-пангерманистов, левых либералов и социалистов. Существовало несравнимо большее количество популярной, рассчитанной на массового читателя и активно воздействующей на него литературы, которая восхваляла и возвеличивала Бисмарка, но грешила недопониманием и изображала его "милитаристом" и националистом-вильгельмистом. Критика продолжалась (параллельно с восхвалением в литературе) и в Веймарской республике. Однако в ходе дискуссии касательно "лжи об ответственности за войну" 1914 года на передний план научного "образа" Бисмарка выдвинулась его политика в период после 1871 года, направленная на сохранение мира. Она предстает перед нами в документах, опубликованных в первых шести томах издания "Большая политика европейских кабинетов в 1871-1914 гг.". Внутриполитическая же и социальная проблематика деятельности канцлера отодвигаются на задний план.

Военная, политическая и моральная катастрофа, в которую вверг немцев Гитлер, в ходе второй мировой войны привела к разрушению европейского центра как самостоятельной объединяющей силы. Это произошло под действием мощи фланговых держав, принявших брошенный им вызов и

продвинувшихся до самого центра континента. Окончательный крах созданной Бисмарком империи и ее положения великой державы снова внес в повестку дня дискуссии вокруг фигуры канцлера ряд принципиальных проблем. Насколько глубоко в его деятельности, революционной во всем, что касалось власти и политики, и консервативной в социальной сфере, следует искать корни роковых событий? Был ли путь, пройденный Германией от Бисмарка до Гитлера, гладким и была ли катастрофа предопределена с самого начала? Какие и насколько прочные параллели можно провести между ними и что отделяет того, кто создал империю, от того, кто империю погубил? Однако чем дальше отодвигаются от нас даты 1866-1871 и 1945, начало и конец существования политически суверенной великой германской державы, тем все более прочную почву приобретает под собой до обидного рациональное мнение о том, что возможность решения “немецкого вопроса”, которую сумел использовать Бисмарк в решающей ситуации 1862-1871 гг, и которая позволила большинству немцев на протяжении трех четвертей столетия накапливать опыт существования в рамках великой державы, связана с совершенно определенной расстановкой сил на европейской арене, ограничена во времени (“открывшейся” в 1854-1856 годах и вновь “закрывшейся” в 1945 году – сокращенно назовем ее так – “ситуацией Крымской войны”), а поэтому безвозвратно утрачена и никогда больше не повторится. Однако невозможно уйти ни от этого опыта, ни от его последствий как положительных, так и отрицательных. Они объединяют всех немцев, независимо от восхищенного, почтительного, сдержанного или отрицательного отношения, с Бисмарком, основателем великой державы – Германской империи.

notes

Примечания

1

Ян Фридрих Людвиг (1778-1852) – немецкий педагог и публицист, организатор националистических гимнастических обществ по прозвищу “турнфатер” (“отец гимнастики”); стремился укрепить моральные и физические силы народа распространением гимнастического искусства.

2

Домартовским в немецкой истории называется период до революции 1848 года, начавшейся в марте.

3

Юнкер – крупный немецкий землевладелец из дворян, пользовавшийся у себя в поместье безраздельной властью. Институт юнкерства в Германии существует до сих пор.

4

Ганноверские тела (лат.).

5

Ландрат – глава местного управления в Германии.

6

Ландтаг – представительный орган Северогерманского собора до образования Германской империи.

7

Пиетизм – мистическое течение в лютеранстве; отвергало внешнюю церковную обрядность, призывало к углублению веры, объявляло греховными развлечения.

8

Пандан – предмет парный или схожий с другими, дополнение чего-либо (фр.).

9

Существовало в Пруссии и некоторых других частях Германии до 1918 г.

10

Маркиз де Поза – персонаж драмы Ф.Шиллера “Дон Карлос, инфант испанский”, отличавшийся гордым и независимым характером.

11

На невыгодных условиях.

12

“Кроме того, я думаю” (лат.); часть выражения “Ceterum censeo Carthaginem esse delendam” (кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен) – слова римского сенатора Катона Старшего, который все свои речи заканчивал призывом к войне с Карфагеном.

13

Выбранным семью миллионами.

14

Игра слов: “выставить на холод” и “отстранить от дел, лишить влияния”.

15

Огнем и мечом (лат.).

16

Вандея – провинция во Франции, которая первая восстала против короля и которая же первая призвала своего короля и помогла ему вернуть престол. (Французское выражение, ставшее поговоркой.)

17

Будьте осторожны с этим человеком! Он говорит то, что думает! (англ.)

18

Опасность в промедлении, (лат.) Поспешите, (франц.)

19

Волей-неволей (лат.).

20

Потом, Ваше Величество (фр.).

21

Вкратце, в сжатом виде (лат.).

22

Вкратце, в сжатом виде (лат.).

23

Существующее положение (лат.).

Сразу; букв.: “с порога” (лат.).

25

Относящийся к Фридриху II и его времени.

26

Относящийся к Фридриху II и его времени.

27

Одобрение парламентом постфактум действий правительства.

28

Кошмар коалиций (франц.).

29

Я больше не вижу Европы (фр.).

Частично; букв.: часть вместо целого (лат.).

31

В великолепном уединении (англ.).

32

Кошмар революций (франц.).

33

Я – это государство (франц.).

34

Культуркампф – борьба между Бисмарком и католической церковью в период 1872-1880 гг.

35

Ультрамонтаны – представители крайнего направления в католицизме, возникшего в XV в.

36

“Вахт ам Рейн” – песня милитаристского характера, получившая распространение с началом франко-прусской войны 1870-1871 гг.

37

Великая империя (франц.).

38

В состоянии зарождения, в момент образования (лат.).

39

Скала из бронзы (франц.).